МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
[Полное название вуза]

На правах рукописи
[ ]

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата филологических наук

на тему: «Лексика цифровой коммуникации в современном русском языке: заимствования и словообразование»

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Научный руководитель:
[учёная степень, учёное звание]
[ ]

[Город] 2026

Пример работы, выполненной в Универ AI · univerai.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....3
1. Лексика цифровой коммуникации как объект лингвистического описания.9
1.1 Цифровая коммуникация и её отражение в лексической системе.....9
1.2 Заимствование: причины, типы и этапы освоения.....12
1.3 Словообразование как механизм освоения иноязычной лексики.....17
1.4 Словари новых слов и Национальный корпус как база исследования 20
Выводы по главе 1.....24
2. Заимствования в лексике цифровой коммуникации.....25
2.1 Состав и тематическая организация картотеки.....25
2.2 Типы заимствований и способы номинации.....29
2.3 Графическая, фонетическая и грамматическая адаптация.....34
2.4 Семантическое и стилистическое освоение.....38
Выводы по главе 2.....43
3. Словообразовательная активность лексики цифровой коммуникации.....45
3.1 Глагольные модели: от лайкать до зашеймить.....45
3.2 Имена существительные и прилагательные.....50
3.3 Усечение, аббревиация, сложение и языковая игра.....53
3.4 Словообразовательные гнёзда и степень освоенности.....56
Выводы по главе 3.....62
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....63
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....66
Приложение А. Картотека лексических единиц цифровой коммуникации….74

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. За последние десять лет русская речь пользователей социальных сетей и мессенджеров пополнилась десятками слов, которых нет в академических толковых словарях: *сторис*, *рилсы*, *донатить*, *зашеймить*, *кринж*, *промпт*. Часть из них живёт один-два сезона, часть уже переходит в язык газет, рекламы и бытового разговора. Лексикографы фиксируют этот поток с запозданием. По сообщению руководителя группы словарей новых слов ИЛИ РАН В. А. Ефремова, только за 2025 год в ресурсе «Новое в русской лексике» было зарегистрировано более 90 новых слов, среди них *нацмессенджер*, *чатгейт*, *вайб-кодер* и *вайб-программирование* [37]. Заметная доля таких единиц рождается именно в цифровой среде.

Для лингвиста эта лексика интересна не только новизной. В ней хорошо видно, как иноязычная основа входит в русскую морфологию: англ. *like* за несколько лет дало *лайк*, *лайкать*, *лайкнуть*, *залайкать*, *лайковый*. Заимствование и словообразование здесь работают одновременно, и граница между ними нередко проходит внутри одного слова. Если описывать эти процессы порознь, как это часто делалось в работах 1990–2000-х годов, теряется главное: русский язык осваивает чужое слово прежде всего через собственные словообразовательные модели.

Изменилась и база исследования. В Национальном корпусе русского языка создан корпус «Социальные сети», объём которого на конец 2023 года составлял 157 млн словоупотреблений; в него входят тексты из ВКонтакте, Telegram, LiveJournal, блогов и региональных форумов [46]. Такой ресурс позволяет проверять наблюдения над интернет-лексикой на большом материале, чего не могли сделать исследователи первой волны.

Тема важна и практически. Учителя, редакторы, переводчики, составители официальных текстов ежедневно решают, допустимо ли слово *стример* в новостной заметке, как писать *хештег* и склонять ли *сторис*. Закон о государственном языке в редакции 2023 года ограничил

использование иностранных слов при наличии общеупотребительных русских аналогов [52], и вопрос о том, какие заимствования уже стали частью русского языка, перестал быть сугубо академическим. Ответ на него требует описания, которое учитывает и происхождение слова, и его место в системе.

Степень разработанности темы. Теория лексического заимствования в русистике опирается на труды Л. П. Крысина, который сформулировал внешние и внутренние причины заимствования и описал этапы освоения иноязычного слова [32, 33, 36]. Англо-русские контакты изучали В. М. Аристова и М. А. Брейтер [3, 6], интернационализмы — В. В. Акуленко и Н. С. Авилова [1, 2]. Процессы конца XX века обобщены в коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия» [60], в книгах Н. С. Валгиной, В. Г. Костомарова, В. Н. Шапошникова, Е. В. Сенько [9, 27, 61, 72]. Наиболее полное описание иноязычной лексики начала XXI века дала Е. В. Маринова [43, 44].

Язык интернета как особая область стал предметом изучения с конца 1990-х годов. Одной из первых диссертаций на эту тему стала работа Е. Н. Галичкиной о компьютерном дискурсе [12]; позднее вышли монография Г. Н. Трофимовой и докторская диссертация О. В. Лутовиновой [42, 67], а также популярные и вместе с тем научно точные книги М. А. Кронгауза [29, 30]. В зарубежной лингвистике основы описания сетевой речи заложил Д. Кристал [73]. Словообразовательная интеграция англицизмов рассмотрена в диссертациях А. И. Дьякова, Н. В. Вагановой, Е. В. Прокутиной, О. Ю. Руденко [7, 16, 54, 57], в статьях С. В. Воробьёвой, А. С. Гуськовой, С. В. Горностаева, О. А. Башкирцевой и Д. М. Дедковской [5, 11, 13, 15].

Обновление русской лексики привлекает внимание и зарубежных славистов. Л. Ферм в Уппсале описала развитие русской лексики второй половины 1980-х — начала 1990-х годов по материалам газет [69], И. Газда в Брно — динамику и интернационализацию словаря современного русского языка [74]. Неографическая работа ИЛИ РАН в последние годы обсуждается в рецензиях и обзорных статьях В. М. Мокиенко и В. А. Ефремова [18, 45].

При всём объёме литературы лексика, возникшая после 2015 года, описана фрагментарно. Слова вроде *сторис*, *шеймить*, *донатить*, *кринжовый* обсуждаются в отдельных статьях и в публицистике, но не сведены в систему, где тип заимствования сопоставлен со словообразовательной судьбой слова. Этот пробел и определил выбор темы.

Цель исследования — выявить состав и способы формирования лексики цифровой коммуникации в современном русском языке и показать, как заимствование и словообразование взаимодействуют при освоении новых единиц.

Для достижения цели решались следующие **задачи**:

1) уточнить понятия «цифровая коммуникация», «лексика цифровой коммуникации», «заимствование», «освоение» применительно к материалу исследования;

2) охарактеризовать лексикографическую и корпусную базу изучения новой лексики и предложить порядок работы с ней;

3) составить картотеку лексических единиц цифровой коммуникации и распределить её по тематическим группам;

4) классифицировать единицы картотеки по способу номинации (прямое заимствование, гибридное производное, калька, усечение, аббревиатура) и описать их графическую, грамматическую и семантическую адаптацию;

5) описать продуктивные словообразовательные модели, по которым образуются глаголы, существительные и прилагательные от заимствованных основ;

6) оценить словообразовательную активность ведущих основ через состав их гнёзд и сопоставить её со степенью освоенности слова.

Объект исследования — лексика цифровой коммуникации в русском языке конца 2010-х — середины 2020-х годов, то есть слова и обороты, которые называют реалии, действия, участников и оценки сетевого общения.

Предмет исследования — способы формирования этой лексики (материальное и калькирующее заимствование, словообразование на базе заимствованных основ, усечение и аббревиация) и признаки её освоения системой русского языка.

Материал исследования. Основу составляет картотека из 142 единиц, сформированная для данного примера работы (Приложение А). Единицы отобраны по словарям иностранных слов и новой лексики [17, 35, 65, 70], по материалам ИЛИ РАН [37, 49] и по наблюдениям над открытыми текстами социальных сетей. Картотека иллюстративна: она показывает метод, а не претендует на полноту, и все количественные выводы относятся только к ней. Частотные данные НКРЯ, приведённые в главе 2, даны как условные, для демонстрации порядка корпусного запроса; при выполнении реального исследования их заменяют результатами запроса по описанной схеме.

Методы исследования: описательный метод с приёмами наблюдения, сопоставления и классификации; этимологический анализ, позволяющий установить источник и путь заимствования; словообразовательный анализ по методике, принятой в академической грамматике и словарях А. Н. Тихонова и Т. Ф. Ефремовой [19, 58, 64]; компонентный анализ значения; корпусный метод; элементарные количественные подсчёты.

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды по теории заимствования (Л. П. Крысин, Э. Хауген, У. Вайнрайх), по словообразованию (Е. А. Земская, И. С. Улуханов, В. В. Лопатин), по неологии и неографии (Н. З. Котелова, В. А. Ефремов), по интернет-лингвистике (Д. Кристал, М. А. Кронгауз) и по корпусной лингвистике [8, 18, 22, 28, 30, 33, 39, 46, 68, 73, 75].

Научная новизна работы состоит в том, что лексика цифровой коммуникации последнего десятилетия впервые (в рамках данного примера) рассмотрена как единое поле, в котором для каждой единицы определены и тип номинации, и словообразовательные связи. Предложена пятичастная классификация по способу номинации, дополненная тематической; описаны

глагольные модели с префиксом за- как основной способ образования перфективов от заимствованных глаголов (*забанить*, *зашеймить*, *загуглить*); введено понятие словообразовательного гнезда как показателя степени освоенности заимствования.

Теоретическая значимость заключается в уточнении представлений о взаимодействии внешних и внутренних источников пополнения словаря. Материал показывает, что для глагольной лексики цифровой коммуникации заимствуется по сути только корень, а всё грамматическое оформление и видовая пара создаются средствами русского языка. Работа дополняет описание этапов освоения иноязычного слова, предложенное Л. П. Крысиным, данными о словообразовательной активности новых основ.

Практическая значимость. Результаты могут быть использованы в курсах лексикологии и словообразования современного русского языка, в спецкурсах по неологии и интернет-лингвистике, при подготовке словарных статей для словарей новых слов, в работе редакторов и преподавателей русского языка, которым приходится решать вопросы о допустимости и написании новых слов.

Положения, выносимые на защиту:

1) Лексика цифровой коммуникации неоднородна по происхождению: прямые заимствования составляют в картотеке 42,3 %, а более половины единиц образованы или переосмыслены средствами русского языка (гибридные производные, кальки, усечения, аббревиатуры).

2) Глагольная часть поля почти целиком состоит из гибридных производных: из 37 глаголов картотеки 34 образованы от иноязычных основ русскими суффиксами -и-, -а-, -ну- и префиксами, прежде всего за-; заимствованных глаголов в готовом виде в выборке нет.

3) Префикс за- в этой лексике утрачивает пространственное и начинательное значение и служит почти чистым средством перфективации (*забанить*, *зашеймить*, *задонатить*), что сближает его с поведением приставок по- и с- в исконных видовых парах.

4) Степень освоенности заимствования надёжнее определяется его словообразовательной активностью, чем частотой: высокочастотное *сторис* остаётся несклоняемым и почти не даёт производных, тогда как *лайк* и *стрим* образовали гнёзда из шести-семи единиц.

5) Тематическая группа влияет на способ номинации: действия пользователя называются гибридными глаголами, устройства и интерфейс — усечениями и кальками, оценки и эмоции — заимствованными аббревиатурами и экспрессивными производными.

Степень достоверности результатов обеспечивается опорой на признанные словари и корпус, проверяемостью материала (вся картотека приведена в приложении), явным разграничением реальных и условных данных.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на [ ]; по теме исследования опубликовано [ ] работ, в том числе [ ] в изданиях из перечня ВАК. Сведения об апробации заполняются соискателем.

Работа соответствует паспорту научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России в части направлений, связанных с лексикологией, словообразованием и лексикографией современного русского языка.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав с выводами, заключения, списка использованных источников (80 наименований) и приложения. В первой главе изложены теоретические основания исследования, во второй описаны заимствования и их адаптация, в третьей — словообразовательные модели и гнёзда.

1. Лексика цифровой коммуникации как объект лингвистического описания

1.1 Цифровая коммуникация и её отражение в лексической системе

Термин «цифровая коммуникация» в работе понимается узко: это общение людей через сетевые сервисы — социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, стриминговые платформы, форумы и комментарии к публикациям. Сюда не входит профессиональная речь программистов, хотя граница с ней проницаема: *баг*, *апдейт*, *лагать* давно перешли из жаргона разработчиков в речь обычных пользователей. Лексикой цифровой коммуникации названы слова, которые обозначают явления этой среды и регулярно в ней употребляются, независимо от их происхождения.

Исследователи первой волны описывали сетевую речь как нечто новое и экзотическое, почти как жаргон узкого круга. Тогда речь шла о небольшом сообществе, а сегодня ежедневно пишет в сети подавляющее большинство взрослых носителей языка.

Специфику канала обсуждают давно. Д. Кристал предложил термин Netspeak и рассматривал сетевую речь как третий тип, который не сводится ни к устной, ни к письменной речи [73]. Сообщение в мессенджере пишется, но строится по законам разговора: оно короткое, рассчитано на быстрый ответ, допускает исправления и реакции. Отсюда тяга к усечениям (*комп*, *инет*, *норм*), к аббревиатурам (*имхо*, *лол*, *спс*) и к экспрессивным суффиксам (*видос*, *мемасик*). По сути, сетевые жанры наследуют черты частного письма, телефонного разговора и записки одновременно.

Почему источником почти всей этой лексики служит английский язык, объяснять долго не нужно. Крупнейшие платформы создавались в англоязычной среде, их интерфейсы, документация и профессиональный жаргон разработчиков существовали сначала на английском, а русские версии нередко появлялись позже. Ситуация в чём-то повторяет более ранние эпохи, когда новые сферы деятельности приносили в русский язык пласты

голландской, немецкой или французской лексики. Отличие в скорости и в том, что сегодня заимствуют не только профессионалы, но и миллионы обычных пользователей, сразу пускающих новое слово в оборот [33, 43].

Г. Н. Трофимова перенесла на интернет-эпоху понятие «языковой вкус», введённое В. Г. Костомаровым [27, 67]. По Костомарову, каждая эпоха предпочитает определённый тип выражения, и в 1990-е годы вкус сдвинулся в сторону разговорности и иноязычных образцов. Сеть усилила обе тенденции. Если в газете 1990-х англицизм был знаком престижа, то в чате он часто просто короче русского описательного оборота: *зашеймить* быстрее, чем «публично пристыдить».

О. В. Лутовинова рассматривала виртуальный дискурс как лингвокультурное явление и подчёркивала, что его участники создают собственные ценности и нормы, а язык служит знаком принадлежности к сообществу [42]. Для лексики это означает, что слово может быть выбрано не за точность, а за «свойскость»: *френд* вместо «друг», *юзер* вместо «пользователь». Е. Н. Галичкина на материале компьютерных конференций выделила признаки компьютерного дискурса: опосредованность, дистантность, гипертекстовость, особый набор жанров [12].

Лексические потребности зависят и от жанра. Электронное письмо, чат, форум и блог различаются степенью публичности и синхронности, и Е. Н. Галичкина выделяла жанровую систему как один из признаков компьютерного дискурса [12]. За последние годы к ним добавились групповой чат в мессенджере, короткое вертикальное видео, прямой эфир с комментариями, голосовое сообщение. Каждый новый жанр создаёт потребность в названиях для самого формата (*сторис*, *стрим*, *голосовое*), для действий с ним (*выложить*, *застримить*, *записать кружочек*) и для его участников (*стример*, *донатер*, *зритель*). Лексика цифровой коммуникации растёт вместе с жанровой системой сетевого общения.

Лексическая система реагирует на эти условия несколькими путями. Во-первых, появляются названия новых реалий: *пост*, *сторис*, *стрим*,

подкаст. Во-вторых, называются новые действия: *лайкнуть*, *репостить*, *донатить*. В-третьих, возникают названия ролей и типов людей: *блогер*, *хейтер*, *инфлюенсер*, *нуб*. В-четвёртых, складывается слой оценочной лексики: *кринж*, *хайп*, *вайб*. Наконец, привычные русские слова получают новые значения: *лента*, *стена*, *канал*, *облако*.

В истории этого слоя лексики можно условно выделить три волны. Первая пришлась на 1990-е годы и была связана с распространением персональных компьютеров и ранним Интернетом: тогда в общий язык вошли *файл*, *принтер*, *сайт*, *браузер*, *электронная почта* вместе с её жаргонным двойником *мыло*. Н. С. Валгина среди активных процессов в лексике конца века называла массовый приход иноязычной терминологии и её быстрое освоение широкими кругами носителей [9]. Глаголы этого времени оформлялись ещё по старой книжной модели: *форматировать*, *сканировать*, *инсталлировать*.

Вторая волна, середина 2000-х — начало 2010-х годов, принесла лексику блогов и первых социальных сетей: *блог*, *пост*, *френд*, *зафрендить*, *аватарка*, *лайк*, *репост*. На это же время пришёлся расцвет игровых написаний, описанных М. А. Кронгаузом [30]. Третья волна началась в середине 2010-х годов с переходом общения на смартфоны, ростом видеоформатов и стриминга, а в 2020-е годы получила новый импульс от нейросетевых сервисов: *сторис*, *рилс*, *стрим*, *донат*, *кринж*, *промпт*, *нейронка*.

У каждой волны были свои словообразовательные предпочтения. В первой преобладали термины и книжные глаголы на -ировать, во второй — жаргонные гибриды и языковая игра, в третьей — короткие глаголы на -ить с приставкой за- и оценочные прилагательные на -овый. Картотека настоящей работы отражает прежде всего третью волну, но включает и устойчивые единицы двух предыдущих, без которых нельзя понять её модели.

Важно разграничить лексику цифровой коммуникации и интернет-жаргон. Первая шире: в неё входят и вполне нейтральные слова (*приложение*,

браузер, *подписчик*), уже вошедшие в общий язык. Жаргон составляет её экспрессивную периферию. М. А. Кронгауз в «Самоучителе олбанского» показывает, как сетевые игровые написания вроде «превед» или «аффтар» прошли путь от субкультуры к массовому употреблению и почти исчезли за несколько лет [30]. Судьба нейтральной номинативной лексики обычно иная: она закрепляется надолго.

Динамика здесь высока, и это создаёт трудность для описания. Часть единиц, которые в начале 2010-х годов казались ядром сетевого словаря (*аська*, *смс-ка*), к середине 2020-х устарела вместе с обозначаемыми сервисами. В картотеку настоящей работы включены только единицы, активные в 2020-е годы, а исторические примеры привлекаются для сравнения.

Понятое так поле не совпадает ни с заимствованиями, ни с неологизмами. Многие его единицы не новы (*канал*, *мышь*) и не заимствованы (*подписчик*, *личка*). Объединяет их функциональный признак: принадлежность к одной коммуникативной сфере. Именно поэтому в работе используется двойная классификация — тематическая и по способу номинации.

1.2 Заимствование: причины, типы и этапы освоения

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» заимствование определяется как элемент чужого языка, перенесённый в данный язык в результате языковых контактов, а также как сам процесс такого перехода [38]. Двойственность термина существенна: можно изучать готовые слова, а можно — путь, который слово проходит от первого употребления до словарной фиксации. В работе рассматривается и то и другое.

Классическая типология заимствований была предложена Э. Хаугеном. Он разделил импортацию (перенос формы) и субституцию (замещение формы средствами своего языка) и выделил три класса: заимствованные слова, гибриды, в которых иноязычная морфема сочетается с собственной, и

семантические заимствования, при которых переносится только значение [75]. Эта схема хорошо ложится на интернет-лексику: *лайк* — заимствованное слово, *лайкнуть* — гибрид, *лента* в значении «поток публикаций» — семантическое заимствование. У. Вайнрайх описывал заимствование как частный случай интерференции и подчёркивал, что местом контакта языков служит сознание двуязычного говорящего [8].

В русистике принята близкая классификация, где различают материальные заимствования, словообразовательные и семантические кальки, иноязычные вкрапления и экзотизмы [4, 56, 71]. Калька — слово, построенное по иноязычному образцу из собственных морфем (*подписчик* по образцу англ. *subscriber*) или собственное слово, получившее иноязычное значение (*друг* в значении «пользователь, добавленный в список контактов»). Вкрапление — иноязычное слово, сохраняющее чужую графику и не освоенное грамматически: *online*, *must have*, *IRL*.

Терминологически важно разграничить семантическое заимствование и семантическую кальку. Л. П. Крысин рассматривает калькирование как особый вид заимствования, при котором переносится не материальная оболочка слова, а его структура или значение [33]. Если русское слово получает значение под влиянием английского слова с тем же звучанием, говорят о семантическом заимствовании (*тролль* в значении «провокатор в сети» при уже существовавшем *тролль* из мифологии). Если же значение переносится на русское слово, которое по форме с английским не связано, перед нами семантическая калька (*лента* по модели *feed*). В практической классификации картотеки оба случая объединены в тип «калька», поскольку в обоих русская форма получает иноязычное значение.

Экзотизмы, то есть слова, называющие реалии чужой культуры (*ковбой*, *сакура*), для лексики цифровой коммуникации нехарактерны: обозначаемые явления не связаны с какой-либо одной страной. Зато здесь много варваризмов в узком смысле — иноязычных слов, употребляемых в латинице как цитата или сознательная стилизация: *online*, *offline*, *IRL* (*in real*

life), *must have*. Их функция часто игровая или престижная. Граница между вкраплением и освоенным заимствованием определяется прежде всего графикой и грамматикой: как только слово начинает писаться кириллицей и склоняться, его следует считать заимствованием.

Причины заимствования подробно описал Л. П. Крысин [31, 32]. Среди внешних он называет интенсивные контакты, престиж языка-источника, моду; среди внутренних — потребность назвать новую вещь или понятие, стремление разграничить близкие понятия, тенденцию заменять описательный оборот одним словом, потребность в экспрессивном синониме. В цифровой среде особенно сильна последняя внутренняя причина в сочетании с внешней — престижем английского как языка платформ. Слово *донатить* вытеснило в речи стримеров «делать пожертвование» потому, что оно короче, и потому, что так говорят в сообществе.

Крысин подчёркивал и социальную сторону: заимствованные слова выступают знаками иной культуры и часто сохраняют ореол «чужого» [33]. Для интернет-лексики это проявляется в стилистической окраске. *Хейтер* — не нейтральный синоним «недоброжелателя», а слово с иронией и оттенком сетевой принадлежности. Первые годы новое слово употребляется с кавычками, пояснениями, иногда в латинице, и только потом становится привычным.

Отношение общества к заимствованиям колеблется между пуризмом и безразличием. Л. П. Крысин неоднократно возражал против алармистских оценок: по его мнению, язык сам отбирает нужные слова, а ненужные уходят, не оставив следа [33]. М. А. Кронгауз занимает близкую позицию и показывает на материале нескольких волн заимствований, что тревога носителей неизменно опережает реальные изменения в языковой системе [29]. Для лингвиста-описателя важно другое: каким образом и с какой скоростью слово проходит путь освоения. Именно это и составляет предмет настоящего исследования.

Освоение иноязычного слова Л. П. Крысин описывает как многоступенчатый процесс [36]. Сначала слово выступает как вкрапление и употребляется с пояснением; затем оно получает русскую графику и подчиняется фонетическим законам языка; затем входит в систему словоизменения (получает род, склоняется); затем начинает давать производные; на последнем этапе приобретает собственную семантику и фиксируется в толковых словарях. Упрощённая схема этих этапов показана на рисунке 1.

Рисунок 1 – Этапы освоения иноязычного слова (по Л. П. Крысину, с упрощением)

Этапы не обязательно идут друг за другом. Интернет-лексика часто перескакивает через ступени: глагол *зашеймить* возник почти одновременно с существительным *шейминг* и сразу был оформлен по русской модели, хотя само *шейминг* в ряде контекстов ещё пишется латиницей. Е. В. Маринова, описывая новейшие заимствования, приводит много случаев, когда колебания в написании, роде и склонении держатся годами, хотя слово уже активно употребляется и даёт производные [43].

Сама последовательность Крысина требует проверки на корпусных данных. В. А. Лошкарева, сопоставив частоты НКРЯ со словарными пометами, не подтвердила гипотезу о том, что частотность заимствования

соответствует степени его освоенности: так, *офшор* при 237 вхождениях сохраняет пометы «неол.» и «экон.» и два варианта написания [41]. Этот вывод согласуется с наблюдениями над нашей картотекой (см. параграф 3.4).

Отдельно стоит вопрос об интернационализмах. В. В. Акуленко показал, что значительная часть «английских» слов на самом деле принадлежит общему интернациональному фонду, построенному на латинских и греческих элементах [2]. *Контент*, *модератор*, *браузер* формально заимствованы из английского, но опознаются носителями как часть международного словаря. Н. С. Авилова на материале глаголов с заимствованными основами показала, как русский язык оформляет такие слова суффиксами -ова-, -изова-, -ирова- [1]. Новые сетевые глаголы, как будет показано в главе 3, этой модели почти не используют.

Английский язык в цифровой сфере часто выступает посредником. *Эмодзи* пришло из японского (буквально «картинка» и «знак») через английское *emoji*; *аватар* восходит к санскритскому слову, обозначавшему воплощение божества, и в значении «изображение пользователя» тоже заимствовано через английский. Для синхронного описания существен прежде всего непосредственный источник, поэтому в картотеке такие слова отнесены к заимствованиям из английского, но их этимология показывает, насколько интернационален словарь сетевого общения.

Для описания англо-русских контактов советского периода важны работы В. М. Аристовой, которая разграничила этапы проникновения англицизмов и способы их адаптации [3], и Д. С. Лотте, изучавшего упорядочение заимствованных терминов [40]. М. А. Брейтер в пособии 1997 года проследил историю англицизмов до середины 1990-х и предложил прогнозы, часть которых сбылась [6]. Л. Ферм на материале газет описала обновление русской лексики во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов [69], а чешский русист И. Газда рассмотрел интернационализацию словаря как одну из ведущих тенденций развития современного русского языка [74].

Типологические исследования дают ещё одну важную опору. В проекте «Loanwords in the World's Languages» под руководством М. Хаспельмата и У. Тадмора сопоставлены заимствования в нескольких десятках языков; одно из устойчивых наблюдений состоит в том, что существительные заимствуются заметно легче глаголов [76]. Русский язык подтверждает эту закономерность особым образом: глагол из английского не переносится как готовая единица, а строится заново от заимствованной именной или глагольной основы.

1.3 Словообразование как механизм освоения иноязычной лексики

Если заимствование приносит в язык основу, то словообразование встраивает её в систему. Е. А. Земская рассматривала словообразование как деятельность говорящего, который, создавая слово, ориентируется на образцы и модели [22, 24]. Для сетевой речи это особенно наглядно: пользователь, впервые написавший *задонатить*, не заимствовал это слово, а построил его по образцу *забанить* и *загуглить*.

Ключевую роль в этом процессе играет аналогия. Говорящий не применяет абстрактное правило, а опирается на конкретное слово-образец: *задонатить* строится по модели уже знакомого *забанить*, *кринжовый* — по модели *хайповый*, *стримерша* — по модели *блогерша*. Е. А. Земская подчёркивала, что образец и модель — два полюса словообразовательной деятельности, и в разговорной речи образец часто важнее модели [22]. В сети, где слова тиражируются мгновенно, удачный образец может за короткое время породить целую серию однотипных производных.

В описании активных процессов конца XX века Е. А. Земская выделила несколько ведущих тенденций: рост продуктивности ряда суффиксов и приставок, распространение усечений, активизацию сложений с первой неизменяемой частью (*бизнес-центр*, *пресс-релиз*), игровое словотворчество [21]. Все они видны и в лексике цифровой коммуникации, причём некоторые получили новый импульс. Модель с неизменяемым первым компонентом

дала целые серии: *онлайн-курс*, *онлайн-магазин*, *интернет-мем*, *видеоблог*, *тревел-блогер*.

Единицы, которыми оперирует словообразовательный анализ, определены в работах И. С. Улуханова: словообразовательный тип, модель, способ, гнездо [68]. Под словообразовательным гнездом понимается совокупность слов с одним корнем, упорядоченная отношениями производности. Для заимствованного корня гнездо строится так же, как для исконного, и его размер показывает, насколько глубоко основа вошла в систему. Этот показатель используется в параграфе 3.4.

Исходные понятия анализа взяты из классического описания русского словообразования, данного Е. А. Земской [23]. Производное слово мотивировано другим словом и выводится из него с помощью форманта — аффикса или иного словообразовательного средства. Производящая основа — часть производящего слова, к которой присоединяется формант. Пара производящего и производного образует словообразовательную пару, последовательность пар — словообразовательную цепочку. Для заимствованных основ эти понятия применяются без изменений: в паре *бан* → *банить* производящая основа *бан-*, формант — суффикс -и- с окончанием, а цепочка продолжается приставочным *забанить*.

Опорным описанием словообразовательных типов служит «Русская грамматика» 1980 года [58], а инвентарь аффиксов и их значения сведены в словаре Т. Ф. Ефремовой [19]. Словарь А. Н. Тихонова даёт образцы гнёзд для исконной лексики [64], с которыми удобно сравнивать гнёзда новых основ. В. В. Виноградов ещё в середине XX века показал, что словообразование связано и с грамматикой, и с лексикой: производное слово наследует часть значения производящего, но приобретает собственную семантику [10]. Это объясняет, почему *лайкнуть* и *лайкать* различаются не только видом, но и прагматикой: первое называет единичный жест, второе — привычку.

В работах о словообразовательной интеграции англицизмов выделены основные пути освоения. А. И. Дьяков рассматривал деривационную интеграцию англицизмов конца XX века в функциональном аспекте и показал, что производные от заимствованных основ часто опережают по употребительности сами заимствования [16]. Н. В. Ваганова описала семантико-словообразовательный аспект англицизмов рубежа веков [7], Е. В. Прокутина — структурно-словообразовательные особенности английских заимствований в нестандартной лексике [54]. Общий вывод этих исследований: заимствованная основа быстро обрастает русскими аффиксами, если она называет действие или лицо, и медленно — если это термин.

Количественные данные последних лет уточняют картину. А. С. Гуськова на материале около 3,5 тыс. употреблений из НКРЯ и онлайн-изданий показала, что англицизмы со значением предмета и признака осваиваются прежде всего через сложение с существительным (*инди-музыкант*, *хоррор-литература*); так, заимствование *инди* участвует в сложениях в 587 контекстах из 818, то есть в 71,76 % [15]. Суффиксальные прилагательные (*хипстерский*, *фрилансовый*) образуются реже, и почти не образуются от основ на гласный.

С. В. Горностаев, изучив англицизмы сферы видеоигр, разделил их на 115 непроизводных и 55 производных единиц и показал, что словообразование в этой среде идёт всеми основными способами: суффиксацией (*читер*, *летсплейщик*), префиксацией (*ребафф*, *дебаг*), усечением (*демо*, *про*) и образованием гнёзд от аббревиатур (*ПК — пкшить — запкшить*) [13]. Игровая лексика тесно связана с лексикой стримов, и многие модели совпадают.

Языковая игра составляет особый механизм. Е. Н. Ремчукова описала креативный потенциал русской грамматики, то есть способность говорящего нарушать норму ради выразительности, опираясь на системные возможности [55]. В сети игровое словообразование массово: *мемасик*, *лайкосик*, *видос*,

кринжатина построены на экспрессивных суффиксах, которые в нейтральной речи с этими основами не сочетаются. В. В. Лопатин предлагал отличать неологизмы, входящие в общий словарь, от окказионализмов, созданных для одного текста [39]. В интернет-речи граница размыта: окказионализм, понравившийся аудитории, за неделю становится узуальным.

Словообразование не только встраивает заимствование, но и создаёт собственные единицы, конкурирующие с ним. Калька *подписчик* соседствует с *фолловером*, универбат *личка* — с аббревиатурой *ЛС*, усечение *ава* — с полным *аватар*. Выбор между ними зависит от регистра и сообщества. Поэтому в классификацию картотеки включены и такие единицы: без них картина освоения поля была бы неполной.

1.4 Словари новых слов и Национальный корпус как база исследования

Русская неография имеет давнюю традицию. В ИЛИ РАН (до 1991 года — Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР) с 1970-х годов выходили три типа словарей: ежегодники «Новое в русской лексике», десятилетние словари-справочники «Новые слова и значения» и обобщающий «Словарь новых слов русского языка». Теоретические основы этой работы изложила Н. З. Котелова [28]. Обобщающий словарь под её редакцией охватил период с середины 1950-х до середины 1980-х годов [62].

Десятилетние выпуски постепенно росли. По данным В. А. Ефремова, словарь новых слов 1960-х годов содержал около 3,5 тыс. единиц, 1970-х — около 5,5 тыс., 1980-х — более 6 тыс., а словарь 1990-х годов, выпускавшийся с 2009 по 2014 год, — около 10 тыс. [18]. Рост показан на рисунке 2. Он отражает и реальное ускорение обновления лексики, и расширение источников: составители словаря 1990-х годов уже пользовались электронным архивом Integrum, Google Books и Национальным корпусом.

Смена источников изменила и саму процедуру неографической работы. Если составители словарей 1960–1970-х годов вручную выбирали новые

слова из газет и журналов, то сегодня кандидаты в неологизмы отбираются по электронным архивам прессы и корпусам, а дата первой фиксации определяется поиском по архиву. В. А. Ефремов указывает, что часть единиц, зафиксированных ежегодниками как новые, при проверке по электронным базам оказалась мнимыми неологизмами: нашлись их более ранние употребления [18]. Для интернет-лексики эта проблема особенно остра, так как сетевые тексты начала 2000-х годов сохранились неполно.

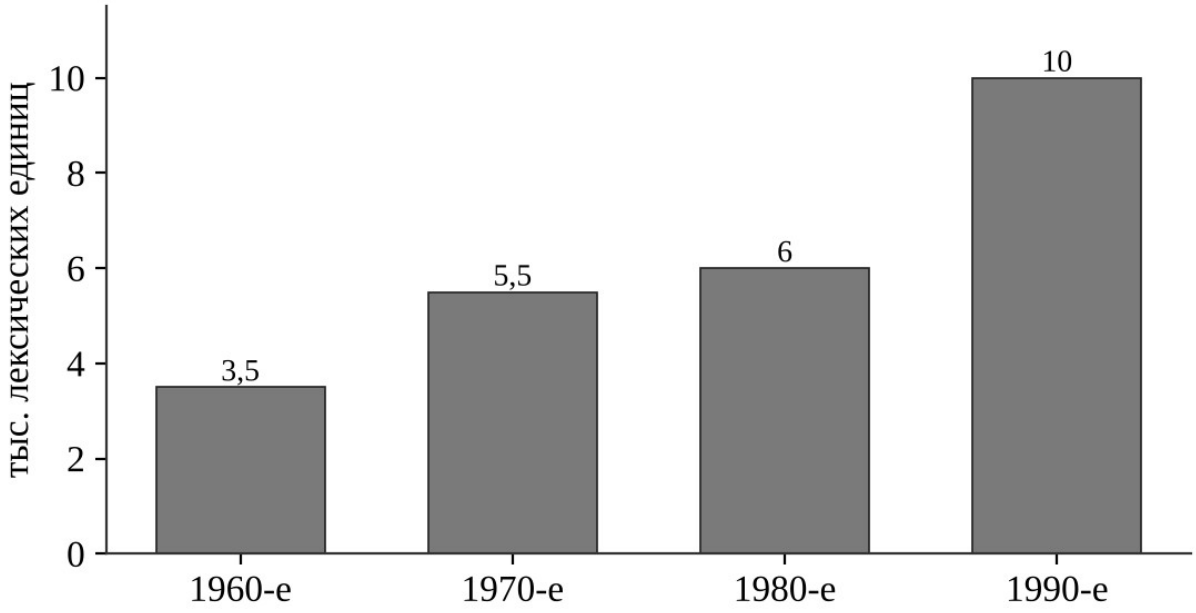

Рисунок 2 – Объём словарей серии «Новые слова и значения», тыс. единиц (по данным В. А. Ефремова)

Выпуск 1970-х годов, подготовленный под редакцией Н. З. Котеловой, вышел в 1984 году [50], выпуск 1990-х — под общей редакцией Е. А. Левашова в 2009–2014 годах [51]. Ежегодник «Новое в русской лексике» после перерыва был возобновлён: материалы за 2017 год вышли в 2019 году под редакцией А. Ю. Кожевникова и Ю. С. Ридецкой [49]. В. М. Мокиенко в рецензии отметил, что этот выпуск построен на компьютерной базе данных и датирует первые фиксации слов по архиву Integrum [45].

Сам В. А. Ефремов делает вывод, что классическая трёхуровневая система словарей новых слов перестала существовать и нуждается в новой концепции, прежде всего в постоянно пополняемой электронной базе [18].

Скорость появления интернет-лексики делает этот вывод бесспорным: печатный словарь фиксирует слово через несколько лет после его появления, когда часть единиц уже вышла из употребления. Общие проблемы неологии и неографии рассмотрены и в работе Т. В. Поповой [53].

Для изучения иноязычных слов важны словари иностранных слов нового поколения. «Толковый словарь иноязычных слов» Л. П. Крысина описывает не только значение, но и стилистический статус и сочетаемость [35]. Словари Т. В. Егоровой и Е. Н. Шагаловой ориентированы на новейшие заимствования и регулярно переиздаются [17, 70]. Толковые словари под редакцией Г. Н. Скляревской фиксируют языковые изменения конца XX и начала XXI века [65, 66]. О функционировании иноязычных слов в словарях и текстах Л. П. Крысин писал отдельно [34].

Словарь всегда отстаёт от узуса, поэтому вторым источником служит корпус. Национальный корпус русского языка [47] в версии 2.0 включает основной корпус с подкорпусом электронной коммуникации, газетный, устный, параллельные и другие корпуса, а также созданный в 2020–2023 годах корпус «Социальные сети» [46]. Тексты в нём собираются автоматически из открытых источников и регулярно пополняются; разработчики поставили задачу держать объём не ниже 100 млн словоупотреблений.

Сетевые тексты попали в корпус не сразу. По описанию разработчиков, в основном корпусе существует подкорпус электронной коммуникации с текстами начиная с 2002 года, а корпус «Социальные сети» создан как отдельный ресурс, отражающий текущее состояние электронного общения [46]. Для нашей темы это различие существенно. Подкорпус основного корпуса позволяет проследить историю слова с начала 2000-х годов, а корпус социальных сетей — его современное распределение по платформам и жанрам. Сопоставление двух ресурсов даёт возможность приблизительно датировать распространение слова, что особенно важно для неографии.

У корпусного материала есть и содержательная особенность. Тексты социальных сетей неоднородны по стилю: в одном корпусе соседствуют посты новостных сообществ, близкие к газетной речи, и реплики в комментариях, близкие к устной. Поэтому частота нового слова зависит от состава источников, и сравнивать частоты корректно только внутри одного корпуса. Сопоставление ipm одного слова в корпусе социальных сетей и в газетном корпусе показывает не столько популярность слова, сколько степень его выхода за пределы сетевой речи.

Для работы с новой лексикой в корпусе удобна мера ipm (instances per million) — число употреблений на миллион словоупотреблений. Она позволяет сравнивать частоты в корпусах разного объёма:

$$ipm = \frac{f}{N} \cdot 10^6 \quad (1)$$

где f — число вхождений лексемы в выбранном корпусе или подкорпусе; N — объём этого корпуса (подкорпуса) в словоупотреблениях.

В исследовании предлагается следующий порядок корпусного запроса. В корпусе «Социальные сети» выполняется лексико-грамматический поиск по лемме (например, *лайкнуть*) без ограничения по форме; затем запрос повторяется для каждого орфографического варианта (*хештег* / *хэштег*, *сторис* / *сторисы* / *сторизы*); для каждой формы фиксируется число вхождений и объём подкорпуса, после чего вычисляется ipm. Распределение по годам строится по встроенной статистике корпуса. Контексты выгружаются выборочно и размечаются вручную по значению.

У корпусного метода есть ограничения. Морфологическая разметка новых слов автоматической программой ненадёжна: несклоняемое *сторис* может быть размечено как форма множественного числа, а глагол *зашеймить* может не получить леммы. Поэтому числа, полученные из корпуса, требуют ручной проверки на выборке контекстов. Это одна из причин, по которой частотные данные в настоящем примере даны как условные.

Выводы по главе 1

Лексика цифровой коммуникации понимается в работе как функционально выделенное поле, объединяющее слова разного происхождения: собственно заимствования, их русские производные, кальки, усечения и аббревиатуры. Для её описания нужна двойная классификация — тематическая и по способу номинации.

Теоретической основой анализа служат типология заимствований Э. Хаугена и русская традиция, связанная с именем Л. П. Крысина: различение материальных заимствований, гибридов и калек, учёт внешних и внутренних причин заимствования, представление об этапах освоения. Интернет-лексика нарушает строгую последовательность этих этапов: графическое, грамматическое и словообразовательное освоение нередко идут одновременно. Для интернет-лексики характерно и то, что первой фиксацией нового слова часто служит не словарь, а корпус или поисковая выдача, поэтому метод описания должен опираться на оба источника.

Механизмом освоения выступает словообразование. Работы Е. А. Земской, И. С. Улуханова и исследования последних лет показывают, что заимствованная основа встраивается в систему через продуктивные русские модели, а размер её словообразовательного гнезда может служить показателем освоенности.

Материальной базой исследования служат словари новых слов и словари иностранных слов, а также Национальный корпус русского языка с корпусом «Социальные сети». Для сопоставления частот предлагается мера ipm; корпусные данные требуют ручной проверки разметки.

2. Заимствования в лексике цифровой коммуникации

2.1 Состав и тематическая организация картотеки

Картотека составлена так, чтобы охватить основные зоны сетевого общения и при этом остаться обозримой. В неё вошли 142 единицы. Критериев отбора было три: слово обозначает явление цифровой коммуникации; оно активно употреблялось в открытых текстах социальных сетей в 2020-е годы; у него есть устойчивое значение, а не единичное игровое употребление. Имена собственные (названия сервисов и платформ) в картотеку не включались, хотя производные от них (*гуглить*, *зумиться*, *тиктокер*) включены.

Для каждой единицы указаны предполагаемый английский источник, тематическая группа, способ номинации и часть речи. Источник устанавливался по словарям иностранных слов [17, 35, 70] и по английским толковым словарям; если слово образовано в русском языке, указывалась производящая русская основа. Полный список с распределением по группам и типам приведён в Приложении А.

Работа с картотекой шла в четыре этапа. Сначала составлялся предварительный список кандидатов по словарям и по наблюдениям над текстами. Затем для каждого кандидата проверялось, употребляется ли он разными пользователями в разных сообществах; единицы, встреченные только в одном источнике, исключались. На третьем этапе определялись источник и способ номинации, причём спорные случаи (*блогер*, *тролль*, *бот*) решались по единому правилу, описанному в параграфе 2.2. Наконец, единицы распределялись по тематическим группам. Если слово могло попасть в две группы (*хейт* — и оценка, и действие), выбиралась группа, соответствующая его основному значению и части речи.

Тематически картотека делится на пять групп. Самые крупные — названия форматов и единиц контента и названия действий пользователя: по

37 единиц. Остальные группы меньше и примерно равны между собой (таблица 1).

Таблица 1 – Тематические группы лексики цифровой коммуникации (по картотеке)

Группа	Единиц	Доля, %	Примеры
Форматы и единицы контента	37	26,1	пост, сторис, рилс, стрим, мем, тред, лента
Действия пользователя	37	26,1	лайкать, репостить, зашеймить, донатить, загуглить
Участники и роли	21	14,8	блогер, стример, хейтер, подписчик, нуб
Оценка и эмоции	23	16,2	кринж, хайповый, вайб, имхо, токсичный
Устройства и интерфейс	24	16,9	смартфон, браузер, комп, облако, нейросеть
Всего	142	100,0	—

Примечание — подсчёт выполнен по иллюстративной картотеке, составленной для примера работы (Приложение А); он не является репрезентативной выборкой из языка.

Первая группа — форматы и единицы контента — наиболее разнородна. В ней соседствуют давно освоенные *блог* и *чат*, относительно новые *сторис*, *рилс*, *шортс* и семантические кальки *лента*, *стена*, *канал*, *ветка*. Объединяет их то, что все они называют «вместилища» сообщений или сами сообщения определённого вида. Для этой группы характерно быстрое обновление: каждая новая функция платформы приносит новое название. Формат коротких вертикальных роликов, например, получил сразу несколько имён по названиям разных сервисов (*рилс*, *шортс*, *клипы*).

Вторая группа — действия пользователя — состоит почти исключительно из глаголов. Это закономерно: группа выделена по семантике действия, а действие в русском языке называется прежде всего глаголом. Но любопытно другое. Ни один глагол этой группы не заимствован в готовом виде: все они либо построены от иноязычной основы русскими аффиксами, либо представляют собой русские глаголы с новым значением (*поделиться*,

подписаться, *отметить*). Подробнее глагольные модели рассмотрены в параграфе 3.1.

Третья группа называет участников общения и их социальные роли. Большая часть единиц — прямые заимствования на -ер (*блогер*, *стример*, *хейтер*, *геймер*, *инфлюенсер*), что отражает продуктивность английского суффикса -er в языке-источнике. Однако рядом стоят и русские образования: *блогерша*, *донатер* (с русским оформлением основы), усечения *админ* и *модер*, кальки *подписчик* и *друг*. Для этой группы характерна оценочность: *нуб* («неопытный игрок, новичок») и *хейтер* называют не просто роль, но и отношение к человеку.

Четвёртая группа — оценка и эмоции — наиболее экспрессивна. Сюда входят существительные и прилагательные со значением оценки (*кринж*, *хайповый*, *топчик*), обозначения эмоциональных состояний и реакций (*краш*, *вайб*), а также междометные аббревиатуры (*лол*, *имхо*, *ОМГ*). Здесь сосредоточены все шесть аббревиатур картотеки: четыре заимствованы (*лол*, *имхо*, *ОМГ*, *рофл*, причём последняя уже дала глагол *рофлить*), а *спс* и *ЧСВ* образованы от русских слов и словосочетаний.

Пятая группа — устройства и интерфейс — самая «старая». Многие её единицы вошли в язык в 1990–2000-е годы вместе с персональными компьютерами (*мышь*, *браузер*, *комп*, *клава*, *флешка*). Новые слова здесь связаны прежде всего с мобильными устройствами и нейросетевыми сервисами: *пуш*, *промпт*, *нейросеть*, *нейронка*. Именно в этой группе больше всего усечений — семь из тринадцати.

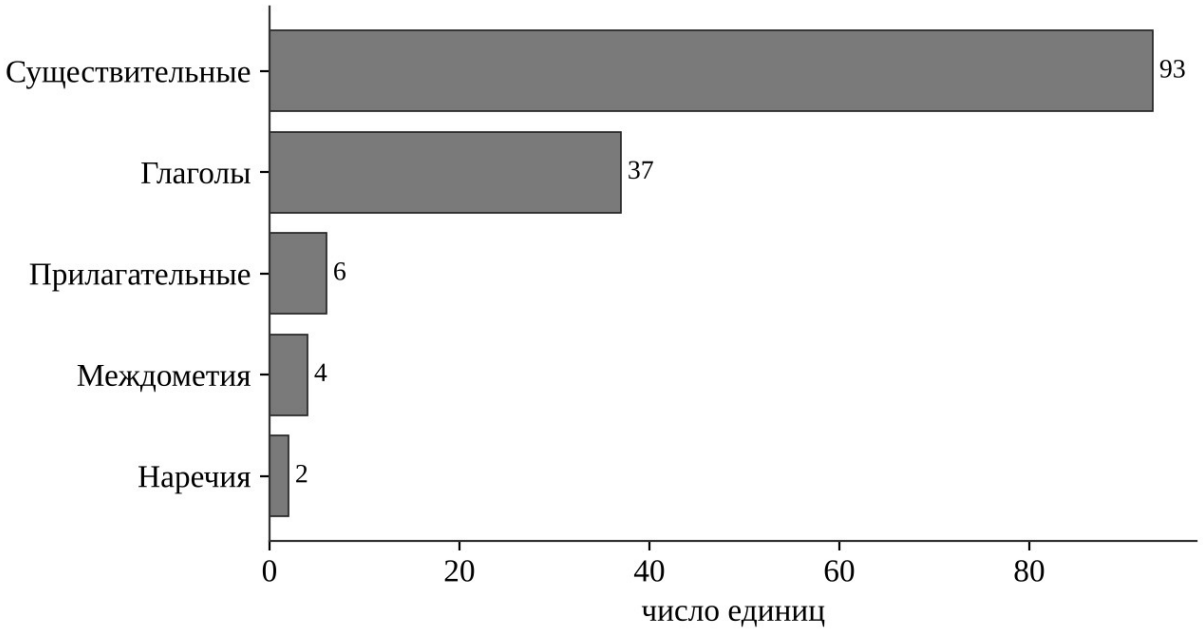

Рисунок 3 – Распределение единиц картотеки по частям речи

По частям речи картотека распределяется неравномерно (рисунок 3): существительных 93 (65,5 %), глаголов 37 (26,1 %), прилагательных 6 (4,2 %), междометий 4 (2,8 %), наречий 2 (1,4 %). Преобладание существительных ожидаемо: оно соответствует типологическому наблюдению о большей заимствуемости имён [76]. Доля глаголов при этом заметно выше, чем обычно бывает в выборках заимствований. Это объясняется тем, что в картотеку включены не только заимствования, но и их производные, а глаголы цифровой коммуникации почти все производные.

Небольшое число прилагательных требует пояснения. Оценочные прилагательные (*кринжовый*, *хайповый*, *вайбовый*) образуются легко, но в картотеку включались только те, что употребляются регулярно. Множество окказиональных прилагательных вроде *сторисный* или *лайфхачный* осталось за её пределами. Наблюдение А. С. Гуськовой о том, что англицизмы с предметным значением осваиваются прежде всего через сложение, а суффиксальные прилагательные от них редки [15], на нашем материале подтверждается.

Поле имеет ядро и периферию. К ядру относятся единицы, которые знакомы практически всем активным пользователям сети и употребляются

независимо от платформы: *пост*, *лайк*, *чат*, *подписчик*, *скрин*, *загуглить*. На периферии находятся слова, связанные с конкретной платформой или субкультурой: *шортс* и *рилс* (названия форматов отдельных сервисов), *нуб* и *изи* (игровая речь), *промпт* (работа с нейросетями). Периферийные единицы чаще всего и становятся неологизмами года: они быстро распространяются за пределы своего сообщества, но так же быстро могут выйти из употребления. Картотека включает и ядро, и периферию, что позволяет сравнивать их судьбу.

2.2 Типы заимствований и способы номинации

Классификация по способу номинации опирается на схему Э. Хаугена [75] и на русскую традицию различения материальных заимствований и калек [33, 71]. Для удобства анализа в неё добавлены две группы, образованные средствами русского языка без прямого переноса иноязычной формы: усечения (включая универбаты) и аббревиатуры. В итоге выделено пять типов (таблица 2).

Таблица 2 – Способы номинации в лексике цифровой коммуникации (по картотеке)

Тип	Единиц	Доля, %	Примеры
Прямое (материальное) заимствование	60	42,3	лайк, пост, стрим, хейтер, кринж, промпт
Гибридное производное (русский аффикс + иноязычная основа)	48	33,8	лайкнуть, забанить, зашеймить, блогерша, кринжовый
Калька (семантическая или словообразовательная)	15	10,6	лента, стена, друг, подписчик, облако, нейросеть
Усечение, универбат	13	9,2	комп, инет, скрин, личка, флешка, нейронка
Аббревиатура	6	4,2	имхо, лол, рофл, ОМГ, ЧСВ, спс
Всего	142	100,0	—

Примечание — подсчёт по иллюстративной картотеке примера (Приложение А).

Прямые заимствования составляют меньше половины картотеки. Если же сложить гибридные производные, кальки, усечения и аббревиатуры, то окажется, что 82 единицы из 142 (57,7 %) созданы или переосмыслены самим русским языком. Даже в такой «англоязычной» сфере, как сетевое общение, русский язык по большей части не берёт готовое, а строит своё из заимствованного материала.

Прямые заимствования

Прямые заимствования — 60 единиц — почти все существительные. Исключение составляет *изи* (от англ. *easy*), употребляемое как наречие или краткое прилагательное: «это изи», «сделал изи». Большая часть прямых заимствований односложна или двусложна: *лайк*, *пост*, *мем*, *тред*, *хайп*, *вайб*, *краш*, *пуш*, *лаг*, *баг*. Короткая форма облегчает освоение: такое слово сразу встраивается в первое склонение мужского рода и легко принимает русские суффиксы.

В составе прямых заимствований носители нередко опознают английские словообразовательные элементы. Конечное -ер в *блогер*, *стример*, *хейтер* воспринимается как суффикс лица, -инг в *шейминг*, *стриминг*, *бодишейминг* — как показатель процесса или деятельности, известный по более ранним *маркетинг* и *шопинг*. Благодаря этому даже непроизводное в русском языке слово оказывается «полупрозрачным»: носитель видит в *шейминге* основу *шейм-* и тот же корень, что в *шеймить*. Такая частичная членимость облегчает включение заимствования в словообразовательные связи.

Многие прямые заимствования имеют русские синонимы или описательные эквиваленты, и выбор заимствования мотивирован причинами, о которых писал Л. П. Крысин [31]. *Хайп* короче оборота «ажиотаж вокруг чего-либо», *спойлер* — оборота «преждевременное раскрытие сюжета», *лонгрид* — «длинная аналитическая статья в сети». Здесь работает тенденция к замене описательного наименования однословным. В других случаях

заимствование разграничивает понятия: *стрим* — это не любая трансляция, а именно прямой эфир пользователя на платформе, часто с чатом и донатами.

Причины заимствования распределены по картотеке неравномерно. В таблице 3 приведены характерные примеры для каждой из причин, выделенных Л. П. Крысиным [31, 32]. Одно и то же слово может иметь несколько мотивов, поэтому таблица показывает не классификацию, а преобладающий мотив.

Таблица 3 – Причины заимствования на материале лексики цифровой коммуникации

Причина (по Л. П. Крысину)	**Примеры из картотеки**	**Комментарий**
Потребность назвать новую реалию	сторис, рилс, стрим, промпт, пуш	русского однословного названия на момент появления не было
Разграничение близких понятий	стрим — трансляция, донат — пожертвование	заимствование уже по значению и связано с конкретной средой
Замена описательного оборота одним словом	хайп, спойлер, лонгрид, челлендж, шейминг	компрессия: одно слово вместо словосочетания
Потребность в экспрессивном синониме	кринж, изи, юзер, краш	новая окраска для уже названного понятия
Престиж языка-источника, групповая принадлежность	френд, фолловер, инфлюенсер	слово маркирует принадлежность к сетевому сообществу

Примечание — примеры отобраны автором примера; отнесение слова к причине условно и указывает на преобладающий мотив.

Из таблицы видно, что новые реалии составляют лишь часть причин. Многие заимствования называют вещи, для которых русские слова есть, но они длиннее, книжнее или лишены нужной окраски. Это подтверждает давний тезис Л. П. Крысина о том, что внутриязыковые причины заимствования не менее важны, чем внешние.

Гибридные производные

Гибридные производные — 48 единиц — образованы от иноязычных основ русскими суффиксами и префиксами. По Хаугену, это гибриды (loanblends), в которых соединяются импортированный и замещённый элементы [75]. В картотеке к ним относятся 34 глагола, 9 существительных и

5 прилагательных. Глаголы и прилагательные разобраны в главе 3; среди существительных выделяются модели с экспрессивными суффиксами (*видос*, *мемасик*, *смайлик*, *гифка*, *аватарка*, *топчик*, *кринжатина*), модель с -ш-а для лиц женского пола (*блогерша*) и модель с -ер (*донатер*).

Разграничение прямого заимствования и гибрида не всегда очевидно. *Блогер* можно считать заимствованием англ. *blogger*, а можно — русским образованием от *блог* с суффиксом -ер. Синхронно слово членимо, а суффикс -ер в русском языке продуктивен на заимствованных основах (*донатер*). В картотеке такие случаи отнесены к прямым заимствованиям, если в языке-источнике есть точное соответствие, и к гибридам, если его нет или оно не употребительно. Это решение условно, и при другом подходе доля гибридов возросла бы.

Кальки

Калек в картотеке 15. Только одна из них словообразовательная: *нейросеть* скопирована по частям с англ. *neural network*. Остальные 14 — семантические кальки, то есть русские слова, получившие значение английского соответствия: *лента* (англ. *feed*), *стена* (*wall*), *ветка* (*thread*), *канал* (*channel*), *облако* (*cloud*), *мышь* (*mouse*), *друг* (*friend*), *поделиться* (*share*), *подписаться* (*subscribe*, *follow*), *отметить* (*tag*), *приложение* (*application*), *токсичный* (*toxic*) и др.

Семантическая калька — самый незаметный путь заимствования. Носитель обычно не воспринимает *ленту* новостей или *облако* для хранения файлов как иноязычный элемент. Между тем в каждом случае значение пришло по английскому образцу и тиражируется интерфейсами платформ. Именно интерфейс, а не живая речь, служит главным каналом семантических калек: русская версия сервиса предлагает пользователю кнопки «Поделиться», «Подписаться», «Отметить», и эти слова закрепляются в новом значении.

Интересна конкуренция кальки и прямого заимствования в одной позиции. Пары *подписчик — фолловер*, *друг — френд*, *поделиться —*

шерить, отметить — тегнуть распределены по регистрам: калька нейтральна и официальна, заимствование разговорно и маркирует принадлежность к сетевому сообществу. Это наблюдение хорошо согласуется с выводом О. В. Лутовиновой о символической функции сетевой лексики [42].

Показателен и обратный случай, когда интерфейс предлагает кальку, а речь выбирает заимствование. Кнопка одобрения в русскоязычных версиях социальных сетей обычно подписана описательно («Мне нравится», «Нравится»), однако пользователи говорят не «поставить „мне нравится“», а «поставить лайк». Интерфейсная калька оказалась слишком громоздкой для словообразования: от «нравится» невозможно образовать ни существительного для отметки, ни однократного глагола. Короткое *лайк* сразу дало и то и другое. Этот пример хорошо показывает, что выбор между калькой и заимствованием определяется не только престижем, но и словообразовательной пригодностью формы.

Усечения и аббревиатуры

Усечения (13 единиц) образуются от заимствований (*комп*, *инет*, *скрин*, *ава*, *админ*, *модер*, *коммент*, *прога*, *клава*) и от русских слов (*норм*); к ним примыкают универбаты с суффиксом -к- (*флешка*, *личка*, *нейронка*). Аббревиатуры (6 единиц) частью заимствованы вместе с формой (*лол* от *LOL*, *имхо* от *IMHO*, *ОМГ* от *OMG*, *рофл* от *ROFL*), частью построены на русской основе (*ЧСВ* «чувство собственной важности», *спс* «спасибо»). Механизмы их образования рассмотрены в параграфе 3.3.

Как способ номинации связан с тематикой, показывает таблица 4. Связь заметная: в группе действий 34 единицы из 37 — гибриды, в группе форматов и участников преобладают прямые заимствования, в группе устройств выше всего доля усечений и калек, а все аббревиатуры сосредоточены в группе оценки.

Таблица 4 – Способы номинации по тематическим группам (число единиц)

Группа	Прямые	Гибриды	Кальки	Усечения	Аббр.	Всего
Форматы и единицы контента	26	4	4	3	0	37
Действия пользователя	0	34	3	0	0	37
Участники и роли	14	2	3	2	0	21
Оценка и эмоции	8	7	1	1	6	23
Устройства и интерфейс	12	1	4	7	0	24
Всего	60	48	15	13	6	142

Примечание — подсчёт по иллюстративной картотеке примера (Приложение А).

Распределение объясняется частеречной природой групп. Действие называется глаголом, а глагол, как уже говорилось, не заимствуется в готовом виде. Форматы и роли называются существительными, которые заимствуются легко. Устройства давно знакомы носителям, и длинные названия (*компьютер*, *клавиатура*, *аватар*) успели сократиться в разговорной речи. Оценочная лексика тяготеет к краткости и игре, отсюда аббревиатуры и экспрессивные суффиксы.

2.3 Графическая, фонетическая и грамматическая адаптация

Первый шаг освоения — переход на кириллицу. В текстах соцсетей многие новые слова какое-то время существуют в двух графических обликах: *stories* и *сторис*, *reels* и *рилс*, *shaming* и *шейминг*. Латиница сохраняется дольше там, где слово совпадает с названием кнопки или раздела в англоязычном интерфейсе. Смешение кириллицы и латиницы давно описано как примета сетевого письма [30]; за двадцать лет оно не исчезло, но сместилось к периферии, к самым новым словам.

При передаче кириллицей возникают орфографические колебания. Самые частые из них касаются выбора е или э после согласного (*хештег* / *хэштег*, *тег* / *тэг*), удвоенных согласных (*блогер* / *блоггер*, *троллить* /

тролить) и передачи английского дифтонга (*шейминг* / *шэйминг*). Проблемы орфографии заимствований, в том числе выбор между е и э после согласных и написание удвоенных согласных, подробно рассмотрены в книге И. В. Нечаевой [48]. По наблюдениям над текстами, варианты с э и с удвоенными согласными в новых словах постепенно уступают место вариантам с е и одиночной согласной, как это уже произошло со словом *блогер*.

Фонетическая адаптация менее заметна, но тоже обязательна. Английские звуки, которых нет в русском языке, замещаются ближайшими русскими: межзубный в *thread* передаётся как т (*тред*), английский гласный в *like* и *vibe* — сочетанием ай, долгий гласный в *reels* — русским и. Ударение в двусложных словах обычно сохраняет позицию источника (*бло́гер*, *стри́мер*, *спо́йлер*). Конечные звонкие согласные оглушаются по русским законам: *вайб*, *баг*, *лаг*, *тег* произносятся с глухим конечным согласным, хотя пишутся по источнику.

Род и склонение

Грамматическая адаптация — ключевой этап. Существительное, оканчивающееся на согласный, сразу получает мужской род и склонение по образцу *стол*: *лайк*, *лайка*, *лайком*; *пост*, *поста*; *тред*, *треда*. Это правило действует для подавляющего большинства прямых заимствований картотеки. С. В. Горностаев на материале игровой лексики насчитал среди непроизводных англицизмов 62 единицы первого склонения (по классификации, принятой в академической грамматике: *каст*, *маунт*, *патч*), 32 — второго (*утилита*, *аркада*) и 6 — третьего (*консоль*); все они изменяемы [13].

Слова на гласный осваиваются труднее. *Селфи* и *эмодзи* остаются несклоняемыми, как *кофе* или *кино*, и колеблются в роде: в текстах встречается и «моё селфи», и «мой селфи», и «новая эмодзи», и «новый эмодзи». Описание таких колебаний дают «Грамматическая правильность русской речи» Л. К. Граудиной с соавторами и работы Е. В. Мариновой [14, 43]. Для несклоняемых заимствований характерно и колебание в числе.

В русской грамматической традиции для несклоняемых неодушевлённых заимствований установлено правило: по умолчанию они относятся к среднему роду (*пальто*, *кино*, *меню*), а отступления объясняются аналогией с русским родовым словом или со значением [14, 20]. Новые слова подтверждают действие и правила, и аналогии. *Селфи* по правилу должно быть среднего рода, и такое употребление действительно частотно, но рядом стоят формы женского рода (по родовому слову *фотография*) и мужского (по слову *снимок*). *Эмодзи* колеблется между средним и мужским родом, причём мужской, видимо, поддерживается словом *смайлик*, с которым *эмодзи* конкурирует. Такая множественность — нормальная стадия освоения, и со временем, как показывает история слова *кофе*, вариативность может держаться десятилетиями.

Особый случай — слова, пришедшие в форме английского множественного числа: *сторис* (*stories*), *рилс* (*reels*), *шортс* (*shorts*). Английский показатель -s в русском языке не опознаётся как окончание и становится частью основы. Затем возможны два пути. Слово остаётся несклоняемым, и тогда число выражается только согласованием: «выложила сторис», «смотрел все сторис». Или к основе с -с присоединяется русское окончание множественного числа: *рилсы*, *шортсы*, *сторисы* (с вариантом *сторизы*). Второй путь хорошо известен по истории языка: так возникли *рельсы* и *джинсы*, в которых английский показатель множественного числа тоже вошёл в основу.

Пока *сторис* задерживается на первом пути: несклоняемая форма преобладает, а *сторисы* воспринимается как разговорная. Род у этого слова колеблется; чаще встречается женский, по аналогии с русским *история*, но нередки и формы множественного числа без указания рода. *Рилс*, напротив, быстро пошло по второму пути: форма *рилсы* уже обычна. Различие, возможно, связано с формой слова и временем заимствования: односложное *рилс* похоже на *лайк* или *пост* и легко присоединяет окончание, а *сторис*

раньше закрепилось в несклоняемом виде в названиях разделов и кнопок интерфейса.

Для проверки таких наблюдений нужен корпус. В таблице 5 показано, как может выглядеть сопоставление вариантов по данным корпуса «Социальные сети» НКРЯ. Числа в ней условные и приведены только для того, чтобы показать форму представления результата; порядок запроса описан в параграфе 1.4.

Таблица 5 – Частотность вариантов новых заимствований в корпусе «Социальные сети» НКРЯ (условные данные для примера)

Вариант	Вхождений (f)	ipm	Доля внутри пары, %
сторис (нескл.)	4 210	26,8	82,7
сторисы / сторизы	880	5,6	17,3
хештег	3 050	19,4	61,2
хэштег	1 930	12,3	38,8
рилс (нескл.)	640	4,1	35,2
рилсы	1 180	7,5	64,8

Примечание — условные данные для примера; расчёт ipm выполнен по формуле (1) для N = 157 млн словоупотреблений (объём корпуса на конец 2023 г. по [46]). При выполнении реальной работы значения f заменяются результатами запроса к НКРЯ.

Если бы реальные данные дали подобную картину, она подтверждала бы два вывода: у *сторис* несклоняемая форма устойчиво преобладает, а у *рилс* склоняемая уже вытеснила исходную. Для пары *хештег* / *хэштег* существенно не только соотношение, но и динамика по годам: рост доли варианта с е показал бы движение к орфографической норме.

Грамматическое освоение глаголов происходит иначе: оно совпадает со словообразованием. Иноязычная основа получает суффикс и тем самым сразу становится русским глаголом второго (*банить*, *хейтить*) или первого (*лайкать*, *юзать*) спряжения. Промежуточной стадии «несклоняемого глагола» в русском языке нет. Об этом подробнее в главе 3.

Орфографические колебания затрагивают и глаголы, хотя реже, чем существительные. Варианты *шерить* / *шэрить*, *хейтить* / *хэйтить*, *мьютить* / *мьюттить* повторяют колебания, уже знакомые по именам: е

или э после согласного, удвоение согласного. Глагол наследует написание производящего существительного, если оно есть (*тролль — троллить*), и выбирает более простой вариант, если существительного нет или оно малоупотребительно (*шерить* при редком *шер*).

Грамматическое освоение заимствованных прилагательных и наречий встречается реже. Наречно-предикативное *изи* («легко») не изменяется и употребляется как слово категории состояния: «это изи», «мне изи». По сути, это ещё вкрапление, хотя и записанное кириллицей. Производные от него единичны и окказиональны, а в нейтральной речи слово не встречается. Можно предположить, что *изи* останется в пределах молодёжного и игрового жаргона, как это произошло с многими более ранними жаргонизмами английского происхождения.

Прилагательные тоже не бывают «вкраплениями» долго. Неизменяемые определения вроде *онлайн* (в сочетании «онлайн курс») употребляются как аналитические прилагательные или первые части сложных слов, а затем получают суффиксальные варианты: *онлайновый*. О. А. Башкирцева и Д. М. Дедковская показали это на словах *хэндмейд*, *селфмейд*, *мастхэв*, *мастрид*: при неустойчивом написании и небольшой парадигме у них появляются суффиксальные прилагательные (*хэндмейдовый*, *мастридовый*) и даже наречие *мастридово* [5]. С. В. Воробьёва описывала грамматическую ассимиляцию новейших англицизмов как постепенное подчинение их русским парадигмам [11].

2.4 Семантическое и стилистическое освоение

Заимствуя слово, русский язык почти никогда не берёт всю его семантику. Английское *post* многозначно (почта, столб, должность, публикация), а русское *пост* в сетевом значении означает только «публикация в блоге или социальной сети»; прежнее русское *пост* («место дежурства», «должность», «воздержание от пищи») с ним омонимично. Сужение значения — самый частый тип семантической адаптации в

картотеке. *Тред* из английского *thread* («нить, нитка; тема обсуждения») сохранил только последнее, *стрим* из *stream* («поток, ручей; трансляция») — только трансляцию.

Вторая тенденция — расширение значения уже на русской почве. *Лайк* первоначально обозначал отметку под публикацией, а затем стал употребляться и в значении «одобрение вообще»: «ставлю лайк этой идее» говорят и вне сети. *Хейт* из названия враждебных комментариев превращается в обозначение любой массовой неприязни. *Кринж* из англ. *cringe* («съёживаться от неловкости») стал оценочным существительным со значением «нечто вызывающее неловкость, стыд за другого» и легко употребляется предикативно: «это кринж». В английском языке такой предикативной конструкции с существительным нет; это уже собственно русское развитие.

Третья тенденция — специализация значения. *Краш* из англ. *crush* (среди прочего «увлечение, влюблённость») в русском молодёжном употреблении означает человека, в которого влюблены, и только его. *Вайб* из *vibe* сохранил значение «атмосфера, настроение» и стал словом с положительной оценкой. *Токсичный* — семантическая калька *toxic* — относится теперь не только к веществам, но и к людям, отношениям, комментариям. Смещение значений в семантических кальках обычно протекает незаметно для говорящих, и это делает их особенно интересными для исследователя.

Семантические кальки продолжают появляться и за пределами картотеки. *Вирусный* в сочетаниях «вирусный ролик», «вирусная реклама» получил значение «быстро распространяющийся от пользователя к пользователю» по образцу англ. *viral*. *Сеть* и *сетевой* давно употребляются применительно к Интернету, а *сетевой этикет* калькирует англ. *netiquette* уже описательно. *Холивар* (от англ. *holy war*) соседствует с русским «священная война» в иронических контекстах, причём калька выглядит книжной, а заимствование — разговорным. Такие пары ещё раз показывают,

что кальки и заимствования образуют в этом поле единую систему с разделением регистров.

Стилистическое освоение связано с регистром. В картотеке можно выделить три слоя. Нейтральный слой составляют единицы, уже вошедшие в общий язык: *приложение*, *браузер*, *подписчик*, *смартфон*, *контент*. Разговорный слой включает слова, свободно употребляемые носителями разного возраста в неофициальном общении: *лайкнуть*, *скрин*, *загуглить*, *комп*, *личка*. Жаргонный, или сленговый, слой образуют единицы, маркирующие принадлежность к определённому сообществу или возрастной группе: *кринж*, *рофлить*, *изи*, *нуб*, *краш*, *вайб*.

При лексикографическом описании эти слои отражаются пометами. Для нейтрального слоя помета не нужна или ограничивается указанием сферы («информ.», «интернет»), для разговорного используется помета «разг.», для жаргонного — «жарг.» или «сленг». Сложность в том, что одно и то же слово быстро меняет статус, и помета, точная в момент составления словаря, через несколько лет оказывается устаревшей. В этом одна из причин, по которым лексикографы ИЛИ РАН переходят от печатных выпусков к постоянно пополняемой базе данных [18, 45].

Границы между слоями подвижны. В. Г. Костомаров в книге о «языке текущего момента» писал, что понятие правильности в эпоху сетевой коммуникации требует пересмотра: многое, что вчера казалось жаргоном, сегодня уже норма разговорной речи [26]. Слово *гуглить* в 2000-е годы было сетевым жаргонизмом, а в 2020-е его употребляют в новостях и рекламе. Похожий путь, вероятно, пройдут *донатить* и *стримить*. Слова же вроде *рофлить* скорее останутся в пределах молодёжного сленга. Стилистическое описание жаргона и разговорной речи дано в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» и в энциклопедии «Русский язык» [59, 63].

Экспрессивность новых слов во многом создаётся самой их «чужестью». Л. П. Крысин отмечал, что иноязычное слово нередко

употребляется не для того, чтобы назвать новое, а для того, чтобы назвать знакомое по-новому, с оттенком моды или иронии [33]. *Юзер* вместо «пользователь», *френд* вместо «друг», *изи* вместо «легко» — примеры именно такого употребления. С течением времени эта окраска стирается: *блог* и *чат* давно не воспринимаются как модные.

В. Г. Костомаров в очерках современной стилистики описывал смешение стилей как одну из примет речи начала XXI века: разговорные и жаргонные единицы проникают в публицистику, а книжные — в бытовой разговор [25]. Лексика цифровой коммуникации участвует в этом процессе особенно активно, потому что сетевые тексты читают и пишут одни и те же люди независимо от профессии и возраста. Журналист, весь день читающий ленту новостей, переносит *хайп* и *кринж* в газетный заголовок; учитель, общающийся в родительском чате, переносит *личку* и *скрин* в служебную речь.

Стилистический статус заимствований приобрёл в последние годы и правовое измерение. Федеральный закон от 28 февраля 2023 года № 52-ФЗ внёс изменения в Закон «О государственном языке Российской Федерации»: при использовании русского языка как государственного не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке [52]. Для лексики цифровой коммуникации это порождает практический вопрос: является ли, например, *подписчик* общеупотребительным аналогом *фолловера*, а *трансляция* — аналогом *стрима*. Ответ во многом зависит от того, рассматриваем ли мы заимствование как отдельное слово или как вершину целого гнезда производных, которых у русского аналога нет.

Новые слова сразу вступают в системные связи с другими единицами словаря. Самая заметная из них — синонимия заимствования и кальки, о которой говорилось в параграфе 2.2. Синонимы различаются прежде всего стилистически (таблица 6): калька, как правило, нейтральна, а прямое

заимствование или гибрид имеет разговорную или жаргонную окраску. Иногда различие касается и значения: *фолловер* подписан на обновления одного человека и часто воспринимается как поклонник, тогда как *подписчик* может быть подписан и на сообщество, и на новостной канал.

Таблица 6 – Синонимические пары в лексике цифровой коммуникации

Нейтральная единица (калька или исконное слово)	**Разговорная или жаргонная единица (заимствование, гибрид)**	**Различие**
подписчик	фолловер	стилистическое; фолловер чаще о личном аккаунте
друг (в соцсети)	френд	стилистическое; френд устаревает
поделиться	шерить, репостить	стилистическое; репостить — только о публикации
отметить (человека)	тегнуть	стилистическое
пользователь	юзер	стилистическое, ироническая окраска юзер
заблокировать	забанить	стилистическое; забанить — также о модерации в сообществе
пожертвование	донат	сферой: донат — в стримах и на платформах
публикация	пост	стилистическое; пост — основное разговорное слово

Примечание — пары составлены автором примера по материалу картотеки; оценки стилистической окраски основаны на наблюдениях и требуют проверки по корпусу.

Антонимия в этом поле нередко строится словообразовательно. Пары *подписаться — отписаться*, *забанить — разбанить*, *зафрендить — расфрендить* образованы русскими приставками со значением отмены действия. Встречаются и заимствованные антонимы: *лайк — дизлайк*, где английский префикс *dis-* перенесён вместе со словом. Наличие таких пар показывает, что новая лексика организуется по тем же принципам, что и исконная: значения противопоставляются регулярными формальными средствами.

Многозначность новых слов чаще всего возникает за счёт метонимии. *Стрим* обозначает и процесс трансляции («начать стрим»), и её запись («пересмотреть стрим»), и даже канал стримера («зайти на стрим»). *Сторис* называет и формат, и отдельную публикацию этого формата, и совокупность

публикаций пользователя за сутки. Омонимия возникает тогда, когда заимствование совпадает по форме с исконным словом: *пост* («публикация») и *пост* («дежурство»; «воздержание»), *бан* (запрет) и разговорное *баня* в формах вроде *бане*, что обыгрывается в шутливой речи.

Отношение носителей к новой лексике неоднородно. М. А. Кронгауз в книге «Русский язык на грани нервного срыва» показал, что волны заимствований неизменно вызывают тревогу у части общества, но со временем большая часть слов либо уходит, либо становится нейтральной [29]. В. Н. Шапошников описывал похожие процессы в речи 1990-х годов [72], Н. С. Валгина — как активные процессы в лексике конца XX века, включая жаргонизацию речи [9]. Е. В. Сенько рассматривала неологизацию как процесс, затрагивающий все уровни языка [61], и наш материал это подтверждает: одновременно меняются графика, грамматика, словообразование и семантика.

Появление новых единиц продолжается. Материалы ИЛИ РАН за 2025 год содержат слова *нацмессенджер*, *чатгейт*, *вайб-кодер*, *вайб-программирование* [37], и по ним видно, что ведущие модели прежние: сложение с заимствованным первым компонентом и гибридное словообразование. Сетевое общение по-прежнему остаётся одним из главных источников новой лексики. Отслеживать её позволяют ежегодники «Новое в русской лексике» [49] и более ранние обобщающие словари [51, 62].

Выводы по главе 2

Картотека из 142 единиц делится на пять тематических групп; крупнейшие — форматы и единицы контента и действия пользователя (по 26,1 %). Две трети единиц — существительные, около четверти — глаголы.

Прямые заимствования составляют 42,3 % картотеки, гибридные производные — 33,8 %, кальки — 10,6 %, усечения — 9,2 %, аббревиатуры — 4,2 %. Больше половины единиц созданы или переосмыслены средствами русского языка.

Способ номинации связан с тематической группой и частью речи: действия называются гибридными глаголами, форматы и роли — прямыми заимствованиями, устройства — усечениями и кальками, оценки — аббревиатурами и экспрессивными производными. Семантические кальки распространяются прежде всего через интерфейсы платформ.

Адаптация существительных зависит от формы слова. Односложные заимствования на согласный сразу входят в склонение мужского рода, слова на гласный остаются несклоняемыми и колеблются в роде, а слова с английским показателем множественного числа (*сторис*, *рилс*) либо остаются несклоняемыми, либо получают русское окончание. Семантическая адаптация идёт прежде всего путём сужения значения, затем возможно его расширение и специализация на русской почве.

3. Словообразовательная активность лексики цифровой коммуникации

3.1 Глагольные модели: от лайкать до зашеймить

Глаголы — самая показательная часть материала. Как отмечалось в главе 2, все 34 глагола картотеки, связанные с иноязычными основами, образованы в русском языке; готового заимствованного глагола в выборке нет. Английский глагол *to like* не переходит в русский язык как глагол, переходит лишь основа *лайк-*, а глагольность ей придают русские суффиксы. Это подтверждает типологическое наблюдение о трудной заимствуемости глаголов [76] и описания деривационной интеграции англицизмов в русистике [7, 16].

Распределение глаголов картотеки по моделям показано в таблице 7.

Таблица 7 – Модели образования глаголов от иноязычных основ (по картотеке)

Модель	Глаголов	Доля, %	Примеры
основа + -и-ть	18	52,9	банить, спамить, хейтить, шеймить, донатить, стримить, гуглить, промптить
основа + -и-ть-ся	2	5,9	чатиться, зумиться
приставка + основа + -и-ть	5	14,7	забанить, зашеймить, загуглить, зафрендить, расфрендить
основа + -ну-ть / -ану-ть	6	17,6	лайкнуть, кликнуть, тегнуть, свайпнуть, хайпануть, кринжануть
основа + -а-ть	3	8,8	лайкать, юзать, лагать
Всего	34	100,0	—

Примечание — подсчёт по иллюстративной картотеке примера (Приложение А); в таблицу не включены три глагола-кальки (поделиться, подписаться, отметить).

Ведущая модель — суффикс -и- с окончанием -ть, дающий глаголы второго спряжения: *банить* (*баню*, *банишь*), *хейтить* (*хейчу*, *хейтишь*), *донатить* (*доначу*, *донатишь*). Вместе с возвратными *чатиться* и *зумиться*

она охватывает 20 глаголов из 34, то есть 58,8 %. Модель продуктивна и в исконной лексике (*солить*, *белить*), где она образует глаголы со значением «делать что-либо с помощью предмета» или «наделять признаком» [58]. На заимствованных основах значение обычно иное: «совершать действие, обозначенное существительным» (*спам — спамить*, *донат — донатить*, *стрим — стримить*).

Ударение в глаголах на -ить от заимствованных основ, как правило, неподвижно и падает на корень: *ба́нить*, *хе́йтить*, *стри́мить*, *дона́тить*, *гу́глить*. Это соответствует ударению в производящем существительном и облегчает узнавание основы. Подвижное ударение по типу *корми́ть — ко́рмишь* в новых глаголах не встречается. Неподвижность ударения можно считать ещё одним признаком того, что основа в глаголе сохраняет самостоятельность и не сливается с суффиксом.

Обращает на себя внимание первое лицо единственного числа: по правилам второго спряжения в нём должно быть чередование (*хейчу*, *доначу*, *шеймлю*). В живой речи такие формы избегаются или заменяются описательными, и это показатель неполного освоения. Говорящий легко скажет «он хейтит» или «они донатят», но затрудняется с «я доначу». Форма с чередованием т/ч звучит непривычно, а форма без чередования (*донатю*) нарушает норму. Подобные затруднения описаны в грамматике как «лакуны» парадигмы, и у новых глаголов они особенно часты.

Модель с -ну- (*лайкнуть*, *кликнуть*, *тегнуть*, *свайпнуть*) образует глаголы со значением однократного действия, как исконные *толкнуть*, *крикнуть*. Это значение идеально подходит для обозначения действий в интерфейсе: нажатие на кнопку, касание экрана, движение пальцем совершаются мгновенно. Вариант -ану- (*хайпануть*, *кринжануть*) несёт дополнительную экспрессию и разговорную окраску, как в исконных *резануть*, *рвануть*.

Модель с -а- (*лайкать*, *юзать*, *лагать*) встречается реже. Она даёт глаголы первого спряжения и тяготеет к основам, где сочетание с -и- звучало

бы неудобно. Пара *лайкать — лайкнуть* показывает типичное для русского языка противопоставление многократного и однократного действия: «я лайкаю всё подряд» и «лайкни мой пост».

Постфикс -ся в глаголах цифровой коммуникации чаще всего выражает взаимность или общую деятельность: *чатиться* («переписываться в чате друг с другом»), *зумиться* («созваниваться по видеосвязи»), *френдиться* («добавлять друг друга в друзья»). Это значение хорошо известно по исконным *переписываться*, *созваниваться*, *видеться*. Другой тип представлен глаголами с результативным значением регистрации: разговорное *зарегаться* («зарегистрироваться») сочетает усечение основы, приставку за- и постфикс. Модели с -ся тоже не заимствуются, а целиком принадлежат русской грамматике.

Префиксальная перфективация

Особый интерес представляют приставочные глаголы. Глагол на -ить от заимствованной основы почти всегда несовершенного вида, а для обозначения результата нужен перфектив. Его образуют приставки, среди которых безусловно лидирует за-: *забанить, зашеймить, загуглить, задонатить, захейтить, застримить, зафрендить, залайкать*. В картотеку как отдельные единицы вошли пять приставочных глаголов, но в словообразовательных гнёздах (параграф 3.4) их значительно больше.

В исконных глаголах за- многозначна. Она может обозначать начало действия (*заговорить, заплакать*), движение за предел или внутрь чего-либо (*забежать, заплыть*), покрытие поверхности (*закрасить*), доведение до избытка (*закормить*) [19, 58]. В глаголах цифровой коммуникации за- почти всегда лишена этих значений и выражает только результат: *забанить* значит «заблокировать (окончательно)», *загуглить* — «найти поиском», *зашеймить* — «публично пристыдить (с результатом)». Приставка выступает почти чистым средством перфективации, как по- и с- в парах *строить — построить, делать — сделать*.

Почему именно за-? Можно предположить несколько причин. Во-первых, сочетание за- с основами на согласный удобно фонетически: оно не образует стечений, которые возникали бы при с- (*с-шеймить*, *с-стримить*). Во-вторых, ранние и частотные глаголы этого типа (*забанить*, *загрузить* в значении «выложить в сеть») создали образец, по которому строятся новые. В-третьих, у за- есть оттенок окончательности, «закрытия» действия, что хорошо подходит для блокировки и публичного осуждения. Эти объяснения требуют проверки на большем материале, но сама тенденция в картотеке выражена отчётливо.

Другие приставки используются для более специальных значений. Рас-/раз- выражает отмену действия: *расфрендить* («удалить из друзей»), *разбанить* («снять блокировку»). Здесь русская приставка соответствует английскому *un-* в *unfriend* и *unban*, и можно говорить о частичном калькировании модели. По- дает ограничительные или делимитативные перфективы: *погуглить* («немного поискать»), *полайкать*. Про- выражает охват множества объектов: *пролайкать* («поставить лайки всем публикациям подряд»). На- означает накопление результата: *нагуглить* («найти поиском, собрать»).

Видовые корреляции глаголов цифровой коммуникации сведены в таблицу 8. Она показывает, что у большинства бесприставочных глаголов на -ить есть перфектив с за-, у части — также делимитативный перфектив с по- и результативные глаголы с другими приставками, а глаголы на -ать образуют пары с однократными глаголами на -нуть.

Таблица 8 – Видовые корреляции глаголов от заимствованных основ

Несовершенный вид	**Совершенный вид (результат)**	**Другие перфективы**	**Способ образования пары**
банить	забанить	разбанить (отмена)	префиксация за-
шеймить	зашеймить	—	префиксация за-
хейтить	захейтить	—	префиксация за-
донатить	задонатить	—	префиксация за-
стримить	застримить	—	префиксация за-
гуглить	загуглить	погуглить, нагуглить	префиксация за-
скринить	заскринить	—	префиксация за-
спамить	заспамить	—	префиксация за-
лайкать	лайкнуть	залайкать, пролайкать, полайкать	суффиксация -ну-
кликать	кликнуть	—	суффиксация -ну-
репостить	репостнуть	—	суффиксация -ну-

Примечание — пары составлены по наблюдениям для данного примера; глаголы заспамить, захейтить, застримить, заскринить, кликать в картотеку отдельными единицами не включены.

Пара *репостить — репостнуть* интересна тем, что глагол на -ить получил однократный коррелят на -нуть, хотя обычно такая пара образуется от глаголов на -ать. Здесь, по-видимому, сказывается давление модели *лайкать — лайкнуть*, задающей образец для всех глаголов, называющих мгновенное действие в интерфейсе. Вторичные имперфективы с суффиксом -ива- (*забанивать*, *загугливать*) встречаются редко: потребность в них невелика, потому что бесприставочный глагол уже несовершенного вида.

Получается, что из иноязычного источника приходит только корень, а вся видовая система — пары по виду, способы действия, однократность и многократность — строится русскими средствами. Е. А. Земская называла такой процесс освоением через словообразование [21], и глагольная лексика цифровой коммуникации даёт ему наиболее чистые примеры. Старая модель на -ова-/-ирова-, по которой оформлялись глаголы с заимствованными основами в XVIII–XX веках (*форматировать*, *сканировать*, *архивировать*) [1], в новом слое почти не используется: в картотеке нет ни одного глагола этого типа. Её место заняла короткая модель на -и-ть.

3.2 Имена существительные и прилагательные

Существительные в картотеке в основном заимствованы готовыми, но и среди них немало русских образований. Главные модели перечислены в таблице 9. Она составлена по картотеке и по гнёздам, описанным в параграфе 3.4.

Таблица 9 – Суффиксальные модели образования существительных и прилагательных от иноязычных основ

Суффикс	Значение	Примеры
-ер	лицо по действию или занятию	донатер; ср. заимствованные блогер, стример, хейтер
-ш(а)	лицо женского пола	блогерша, стримерша, хейтерша
-к(а)	предмет; универбат; разговорная окраска	гифка, аватарка, флешка, личка, нейронка
-ик, -чик	уменьшительность, ласкательность	смайлик, чатик, мемчик, топчик
-ос, -ас-ик	игровая экспрессия	видос, мемасик, лайкос
-атин(а)	пренебрежительная оценка	кринжатина
-ёж	процесс (разг.)	гуглёж
-ов(ый)	относящийся к; оценочный признак	хайповый, кринжовый, вайбовый, фейковый, лайковый
-н(ый)	относящийся к	мемный, донатный
-ск(ий)	свойственный лицу	блогерский, хейтерский, стримерский

Примечание — примеры отобраны из картотеки и гнёзд, приведённых в таблице 10.

Суффикс -ер в русском языке давно освоен и служит связующим звеном между заимствованием и словообразованием. Многие слова на -ер пришли готовыми (*блогер*, *хейтер*, *геймер*), но благодаря им сложилась продуктивная русская модель. По ней образовано *донатер* («тот, кто отправляет донаты»): в английском словаре соответствие *donator* существует, но в сетевом употреблении не распространено, и русское слово скорее всего построено от *донат* по образцу *стример*. С. В. Горностаев приводит аналогичные игровые образования (*баффер*, *читер*) [13].

Женские наименования на -ш(а) (*блогерша*, *стримерша*) несут разговорную окраску, как *кондукторша* или *докторша* в исконной лексике.

Нейтрального женского коррелята у таких слов нет: в официальном контексте говорят «блогер» и о женщине. Колебания здесь те же, что и в давно обсуждаемой проблеме феминитивов.

В последние годы рядом с *блогершей* появилась форма *блогерка* с суффиксом -к(а), который в современных феминитивах воспринимается как стилистически нейтральный. Конкуренция -ш(а) и -к(а) на одной основе показывает, что заимствованные названия лиц полностью включены в русскую систему и участвуют во всех её процессах, включая дискуссионные. Для словаря это означает необходимость фиксировать обе формы с указанием их стилистических различий.

Наименования лиц — самая подвижная часть субстантивной лексики. Одни из них постепенно уходят вместе с обозначаемым явлением (*жжист* — автор в «Живом журнале»), другие появляются вместе с новыми платформами (*тиктокер*, *ютубер*). Модель с -ер так продуктивна, что включает и названия платформ: от имени собственного образуется нарицательное название автора, причём в языке-источнике соответствующее слово может отсутствовать или быть малоупотребительным. Это хороший пример того, как заимствованный суффикс становится русским словообразовательным средством, о чём писал и И. С. Улуханов, говоря о валентности заимствованных морфем [68].

Суффикс -к(а) многофункционален. В *гифка* и *аватарка* он образует разговорное название предмета от заимствованной основы; в *флешка*, *личка*, *нейронка* работает как средство универбации, то есть сжатия словосочетания в одно слово (*флеш-накопитель → флешка*, *личные сообщения → личка*, *нейронная сеть → нейронка*). Универбация с -к(а) — одна из самых продуктивных моделей русской разговорной речи [21], и цифровая лексика её активно использует.

Экспрессивные суффиксы -ик, -чик, -ос, -ас-ик придают слову игровой характер. *Мемасик*, *лайкос*, *видос*, *топчик* — не уменьшительные слова в строгом смысле, а маркеры непринуждённого, «своего» общения. Такие

образования описываются в литературе как проявление языковой игры и креативного потенциала грамматики [24, 55]. Пренебрежительное *кринжатина* построено по модели *тухлятина*, *кислятина* и усиливает отрицательную оценку, уже заложенную в основе.

Прилагательные

Прилагательные образуются прежде всего суффиксом -ов-: *хайповый*, *кринжовый*, *вайбовый*, *фейковый*, *лайковый*. Суффикс -ов- в русском языке давно специализировался на образовании прилагательных от заимствованных основ (*джазовый*, *рейтинговый*, *фрилансовый* [15]). Суффикс -н- (*мемный*, *донатный*) встречается реже, а -ск- присоединяется к названиям лиц (*блогерский*, *хейтерский*, *стримерский*).

Оценочные прилагательные на -ов- быстро переходят в качественные: они образуют степени сравнения и наречия (*кринжовее*, *кринжово*), сочетаются с наречиями меры («очень хайповый»). Это показатель глубокого освоения: относительное прилагательное, образованное от заимствования, становится полноценным качественным словом русского языка. Аналогичный путь проделали *мастридовый* и *хэндмейдовый*, о которых пишут О. А. Башкирцева и Д. М. Дедковская [5].

Суффиксы -ов- и -н- иногда конкурируют на одной основе: *донатный* и *донатовый*, *мемный* и *мемовый*, *контентный* и (реже) *контентовый*. Обычно один вариант быстро становится основным, а второй остаётся окказиональным. Выбор, по-видимому, связан с семантикой: относительное значение «связанный с чем-либо» тяготеет к -н- (*донатная система*), а оценочное, качественное — к -ов- (*хайповый*, *кринжовый*). Это распределение не строгое, но в картотеке оценочные прилагательные образованы именно с -ов-.

Не от всякой основы прилагательное образуется легко. Основы на гласный (*селфи*, *эмодзи*) почти не дают суффиксальных прилагательных; вместо них используются сложения (*селфи-палка*) и аналитические конструкции. Этот вывод совпадает с результатами А. С. Гуськовой, которая

объясняла малую активность основ на гласный (*инди*, *кантри*) соображениями благозвучия [15]. Основа *сторис-* также редко даёт прилагательное, хотя окказиональное *сторисный* встречается.

3.3 Усечение, аббревиация, сложение и языковая игра

Усечение — давний способ образования разговорных слов, и цифровая лексика использует его очень широко. Е. А. Земская относила рост усечений к ведущим тенденциям словопроизводства конца XX века [21]. В картотеке 13 единиц этого типа. Чаще всего сокращается длинное заимствование: *компьютер → комп*, *Интернет → инет*, *клавиатура → клава*, *программа → прога*, *администратор → админ*, *модератор → модер*, *комментарий → коммент*, *скриншот → скрин*, *аватар → ава*.

Усечённые слова ведут себя как обычные существительные: склоняются (*компа*, *админу*, *в инете*), дают производные (*скринить*, *заскринить*) и даже собственные уменьшительные (*компик*). Форма усечения подчиняется русским фонотактическим ограничениям: слово обрывается после согласного или на гласном -а, которое переводит его во второе склонение (*клава*, *прога*, *ава*). Последний вариант характерен для женского рода исходного слова (*клавиатура*, *программа*), хотя *ава* образовано от мужского *аватар* (или от женского *аватарка*).

Аббревиатуры в цифровой лексике бывают трёх видов. Первые заимствованы вместе с английской формой и транслитерированы: *лол* (*LOL*, *laughing out loud*), *имхо* (*IMHO*, *in my humble opinion*), *рофл* (*ROFL*), *ОМГ* (*OMG*). Вторые созданы по русским словосочетаниям: *ЧСВ* («чувство собственной важности»), *ЛС* («личные сообщения»). Третьи представляют собой сокращения отдельных слов, характерные для переписки: *спс* («спасибо»), *пжл* («пожалуйста»), *норм* («нормально»). Последний тип стоит на границе аббревиации и усечения и связан с экономией усилий при наборе текста на телефоне.

Особую группу составляют производные от названий сервисов и компаний. Глагол *гуглить* образован от названия поисковой системы и уже не связан с ней жёстко: «погуглить» можно в любом поисковике. *Зумиться* («созваниваться по видеосвязи») возникло в 2020 году, когда видеоконференции стали массовыми, и также употребляется применительно к разным сервисам. Названия авторов на -ер (*тиктокер*, *ютубер*) сохраняют связь с конкретной платформой. Переход имени собственного в нарицательное — давний процесс (ср. *ксерокс* и *ксерить*), но в цифровой лексике он идёт очень быстро: между появлением сервиса и появлением глагола от его названия иногда проходят месяцы.

Цифровая коммуникация располагает и невербальными средствами, которые частично замещают слова: эмодзи, стикеры, реакции. Д. Кристал рассматривал смайлики как попытку компенсировать отсутствие интонации и мимики в письменном общении [73]. Для лексики это имеет два следствия. Во-первых, появились названия самих знаков (*смайлик*, *эмодзи*, *стикер*, *реакция*). Во-вторых, некоторые словесные единицы стали употребляться как вербальные эквиваленты знаков: *лол* и *ахах* передают смех, *спс* — благодарность, *ок* — согласие. Такие единицы стоят на границе лексики и графики, и их место в системе частей речи ближе всего к междометиям.

Важная особенность заимствованных аббревиатур — их способность переходить в разряд обычных слов. *Имхо* употребляется как вводное слово («имхо, это лучший фильм года»), *лол* — как междометие. *Рофл* стал существительным со значением «шутка, насмешка» и дал глагол *рофлить* («шутить, высмеивать»). Аббревиатурная природа таких слов носителями перестаёт осознаваться: многие пользователи не знают, как расшифровывается *имхо*. С. В. Горностаев приводит сходные примеры из игровой лексики: от аббревиатур образуются глаголы (*ГМ — гмить*, *АФК — афкшить*) и даже цепочки (*ПК — пкшить — запкшить*) [13].

Сложение

Сложение с первым неизменяемым компонентом — одна из самых продуктивных моделей современного русского словообразования [9, 21]. В цифровой лексике первыми компонентами служат *онлайн-*, *интернет-*, *веб-*, *видео-*, *медиа-*, *кибер-*, *нейро-*, *блог-*, *селфи-*, *вайб-*: *онлайн-курс*, *интернет-магазин*, *веб-дизайн*, *видеоблог*, *медиаконтент*, *киберспорт*, *нейрофото*, *селфи-палка*, *вайб-кодер*. Последнее слово вошло в материалы ИЛИ РАН за 2025 год [37].

Такие сложения находятся на границе слова и словосочетания: первый компонент не склоняется, пишется через дефис или слитно, иногда отдельно, и это вызывает многочисленные орфографические колебания. Н. С. Валгина связывала распространение таких образований с усилением аналитизма в русской грамматике [9]. По данным А. С. Гуськовой, сложение — ведущий способ освоения англицизмов с предметным значением [15].

Встречаются и полные сложения с соединительной гласной, построенные по русской модели: *френдлента*, *фотоотчёт*, *видеозвонок*. Отдельную группу составляют сложения, заимствованные готовыми (*бодишейминг*, *лайфхак*, *лонгрид*, *скриншот*). В русском языке их внутренняя форма не всегда прозрачна, но производные от них строятся регулярно (*лайфхачный*, *скриншотить*).

Языковая игра

Сетевая речь известна склонностью к игре со словом. М. А. Кронгауз подробно описал «олбанский язык», то есть систему нарочито неправильных написаний (*превед*, *аффтар*, *жжот*), возникшую в середине 2000-х годов в сетевых сообществах [30]. Эта мода прошла, но игровое начало осталось: гибриды с экспрессивными суффиксами (*мемасик*), каламбурные переосмысления, ироническое употребление высокопарных слов.

Игра часто построена на столкновении «своего» и «чужого». Слово *кринжатина* соединяет английскую основу и русский суффикс с

выраженной разговорной окраской; *лайкосик* добавляет к заимствованию двойную уменьшительность. Е. Н. Ремчукова описывала такие случаи как использование креативного потенциала грамматики: говорящий опирается на системную модель, но применяет её к необычному материалу [55]. Для освоения заимствования игра важна: она быстро вовлекает новую основу в русские модели, и часть игровых образований затем становится нейтральной.

Заимствования могут переходить и в служебные части речи. Самый яркий пример — *го* (от англ. *go*), который в разговорной сетевой речи употребляется как побудительная частица: «го гулять», «го в чат», «го созвонимся». По функции *го* близко к *давай* и *пошли*, а по форме не изменяется. Слово такого рода не укладывается в классификацию картотеки, ориентированную на знаменательные части речи, но показывает, насколько глубоко сетевая речь может перерабатывать иноязычный материал: заимствованный глагол становится русской частицей.

В. В. Лопатин различал неологизмы и окказионализмы по тому, входит ли слово в общее употребление [39]. Сеть делает это различие подвижным. Окказионализм, придуманный одним пользователем, может быть растиражирован тысячами репостов и через несколько недель стать общим достоянием. Поэтому при описании цифровой лексики полезно говорить не о двух классах, а о шкале узуальности, на которой каждое слово занимает своё место.

3.4 Словообразовательные гнёзда и степень освоенности

Чтобы оценить, насколько глубоко заимствованная основа вошла в систему, удобно посмотреть на её словообразовательное гнездо, то есть на все слова, образованные от неё в русском языке [64, 68]. Для анализа выбраны 12 частотных основ картотеки, относящихся к разным тематическим группам. Состав гнёзд установлен по наблюдениям над открытыми текстами социальных сетей; в гнездо включались только

производные, употребляемые разными пользователями, а не единичные окказионализмы (таблица 10).

Таблица 10 – Словообразовательные гнёзда заимствованных основ

Основа	Производные	Число производных
лайк	лайкать, лайкнуть, залайкать, пролайкать, полайкать, лайкос, лайковый	7
стрим	стримить, застримить, стример, стримерша, стримерский, стриминговый	6
хейт	хейтить, захейтить, хейтер, хейтерша, хейтерский	5
гугл-	гуглить, загуглить, погуглить, нагуглить, гуглёж	5
донат	донатить, задонатить, донатер, донатный	4
френд	зафрендить, расфрендить, френдиться, френдлента	4
кринж	кринжовый, кринжово, кринжатина, кринжануть	4
бан	банить, забанить, разбанить	3
мем	мемный, мемасик, мемчик	3
шейм-	шеймить, зашеймить	2
репост	репостить, репостнуть	2
сторис	—	0
Всего	—	45

Примечание — состав гнёзд установлен по наблюдениям для данного примера и не претендует на полноту; заимствованные производные (стриминг, шейминг, бодишейминг) в гнёзда не включены.

Для сопоставления гнёзд используется простой показатель — средний размер гнезда, то есть среднее число производных на одну основу:

$$\bar{D} = \frac{1}{B} \sum_{i=1}^{B} D_i \qquad (2)$$

где D с индексом i — число производных i-й основы; B — число рассмотренных основ.

Для двенадцати основ таблицы 10 сумма производных равна 45, средний размер гнезда — 45 / 12 = 3,75. Распределение размеров гнёзд показано на рисунке 4.

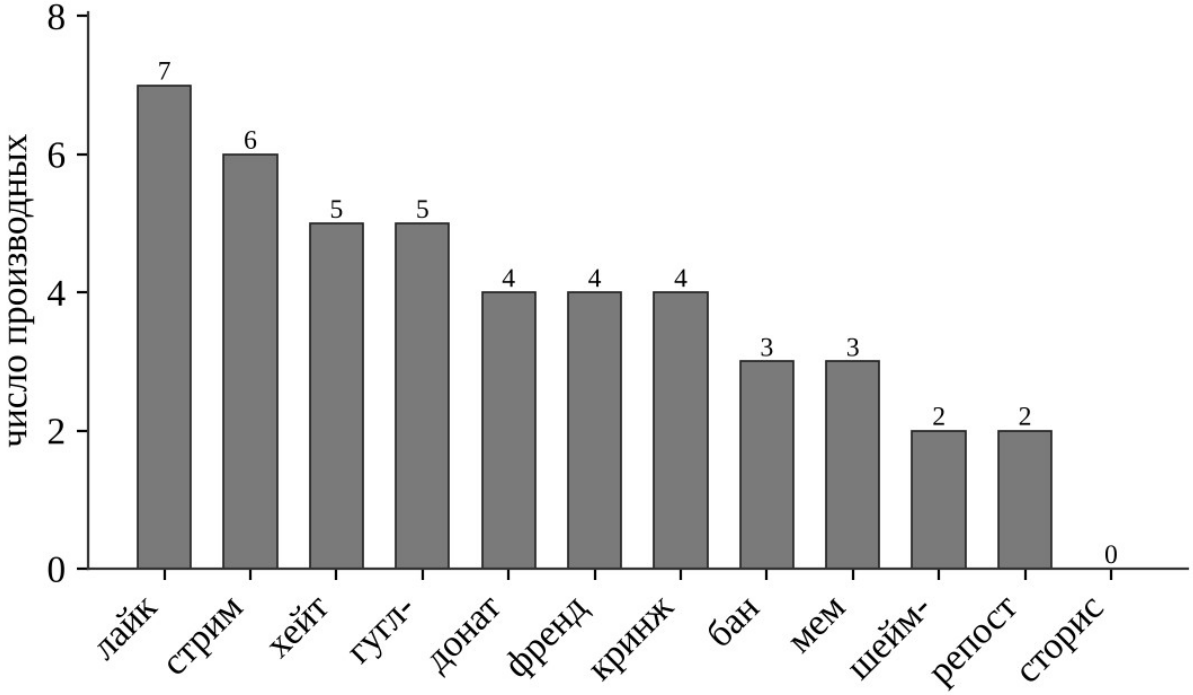

Рисунок 4 – Размер словообразовательных гнёзд заимствованных основ (число производных)

Наибольшие гнёзда у основ *лайк* и *стрим*. Обе называют центральные понятия сетевого общения и обе существуют в языке уже не один год. Гнездо *лайк* хорошо иллюстрирует, как от одной основы строится вся видовая система глагола и дополнительно — имена (рисунок 5). Основа *гугл-* интересна тем, что восходит к названию компании: имя собственное превратилось в нарицательную основу с полным набором приставочных глаголов.

Гнёзда различаются не только размером, но и устройством. С. В. Горностаев выделял в игровой лексике гнёзда-пары, гнёзда-пучки и гнёзда-цепи [13]. В нашем материале представлены все три типа. Гнездо *шейм-* — пара в чистом виде: бесприставочный глагол и его перфектив. Гнездо *хейт* — пучок: от одной основы независимо образованы глагол, название лица и прилагательное. Гнездо *лайк* сочетает пучок и цепи: от основы идут глагол на

-ать, однократный глагол и имена, а от глагола *лайкать* — приставочные *залайкать*, *пролайкать*, *полайкать*. Глубина гнезда, то есть длина самой длинной цепочки, у *лайк* и *стрим* равна двум ступеням (*стрим* → *стример* → *стримерша*), у большинства остальных основ — одной.

Сравнение с исконными гнёздами, представленными в словаре А. Н. Тихонова [64], показывает, что гнёзда заимствованных основ пока невелики: у частотных исконных корней они включают десятки производных. Но сравнивать нужно с учётом возраста: гнездо *лайк* сформировалось примерно за десять лет. Если темп сохранится, наиболее употребительные заимствованные основы через одно-два поколения могут приблизиться по разветвлённости к исконным.

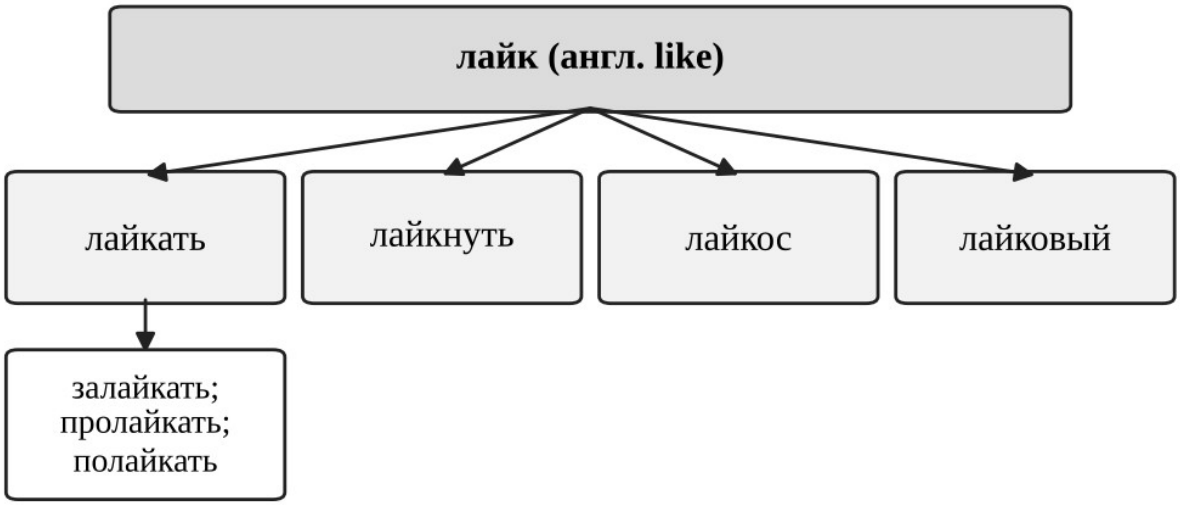

Рисунок 5 – Словообразовательное гнездо основы лайк

Самый поразительный результат — нулевое гнездо у *сторис*. Это слово очень частотно в речи пользователей социальных сетей, но не даёт ни глагола, ни прилагательного, кроме редких окказионализмов. Причина, видимо, в той же грамматической неосвоенности, о которой говорилось в параграфе 2.3: несклоняемое слово с английским показателем множественного числа плохо выделяет основу, к которой можно присоединить суффикс. Конкурирующее *рилсы*, ставшее склоняемым, уже даёт производные в разговорной речи.

Отсюда вывод, важный для теории освоения. Частота употребления сама по себе не говорит о степени освоенности: частотное *сторис* освоено слабее, чем менее частотное *донат*. Надёжнее учитывать совокупность признаков, среди которых словообразовательная активность — один из самых информативных. Этот вывод перекликается с результатами экспериментальных работ, где не подтвердилась связь частотности и освоенности заимствования [41], и уточняет схему этапов, предложенную Л. П. Крысиным [36].

На основе рассмотренных признаков можно предложить трёхступенчатую шкалу освоенности заимствований цифровой коммуникации (таблица 11). Она учитывает графику, грамматику, словообразование и стилистику и может служить рабочим инструментом при подготовке словарных статей.

Таблица 11 – Шкала освоенности заимствований цифровой коммуникации

Степень	Признаки	Примеры
Высокая	только кириллица; полная парадигма; гнездо из 4 и более производных; употребление вне сетевых контекстов	лайк, стрим, гуглить, блог, чат
Средняя	кириллица с редкими латинскими вариантами; полная или почти полная парадигма; 1–3 производных; разговорная окраска	бан, мем, шейминг, донат, кринж
Низкая	конкуренция латиницы и кириллицы; несклоняемость или колебания в роде и числе; производных нет или они окказиональны	сторис, эмодзи, промпт, селфи

Примечание — отнесение слов к ступеням выполнено по признакам, описанным в главах 2 и 3, и носит иллюстративный характер.

Шкала показывает, что степень освоенности не совпадает с возрастом слова. *Селфи* появилось в русском языке раньше, чем *кринж*, но освоено слабее, потому что его форма препятствует грамматической и

словообразовательной адаптации. Наоборот, *кринж* за несколько лет дал прилагательное, наречие, существительное с пренебрежительным суффиксом и глагол. Форма основы — односложность, конечный согласный, отсутствие английского показателя множественного числа — оказывается одним из главных факторов освоения.

Если применить шкалу к тематическим группам картотеки, различия между ними станут наглядными. Группа действий пользователя, состоящая из гибридных глаголов, по определению принадлежит к хорошо освоенной части поля: глагол на -ить уже есть результат словообразования. Наименее освоенной оказывается часть группы форматов и единиц контента, где сосредоточены новейшие несклоняемые заимствования (*сторис*, *шортс*, *эмодзи*, *селфи*). Группа оценки неоднородна: *хайп* и *кринж* освоены глубоко, аббревиатуры *имхо* и *ОМГ* почти не дают производных. Так тематическая классификация, построенная в главе 2, получает словообразовательное объяснение.

Шкала не учитывает частотность и словарную фиксацию, и это сделано намеренно. Частотность, как показано выше, мало говорит о степени освоения, а словарная фиксация отстаёт от реального состояния языка на годы. При работе с корпусом «Социальные сети» эти признаки можно добавить, но решающими для оценки освоенности их считать нельзя.

Показатель размера гнезда тоже имеет ограничения. Он зависит от того, насколько полно собраны производные, и от возраста основы: гнездо молодого заимствования неизбежно меньше. Для реального исследования гнёзда нужно строить по корпусу. В корпусе «Социальные сети» это можно сделать запросом по началу словоформы (например, *лайк**, *залайк**, *пролайк**), с последующей ручной лемматизацией результатов и отсевом случайных совпадений. Тогда размер гнезда будет подкреплён частотами производных, а не только фактом их существования, и показатель станет пригоден для сравнения основ разного возраста.

Выводы по главе 3

Все 34 глагола картотеки, связанные с иноязычными основами, образованы в русском языке. Ведущая модель — суффикс -и- (58,8 % глаголов вместе с возвратными), за ней следуют модели с -ну-/-ану- (17,6 %), приставочные глаголы (14,7 %) и глаголы с -а- (8,8 %). Модель на -ова-/-ирова-, характерная для более ранних заимствований, в новом слое не представлена.

Перфективы от заимствованных глаголов образуются прежде всего приставкой за-, которая в этих глаголах выражает почти исключительно результат. Другие приставки (рас-/раз-, по-, про-, на-) передают специальные значения отмены, ограничения, охвата и накопления.

Существительные и прилагательные от заимствованных основ образуются по продуктивным моделям с суффиксами -ер, -ш(а), -к(а), -ик, -ов(ый), -ск(ий); экспрессивные суффиксы (-ос, -ас-ик, -атин(а)) придают словам игровую окраску. Широко используются усечение, аббревиация и сложение с неизменяемым первым компонентом.

Средний размер словообразовательного гнезда для двенадцати рассмотренных основ — 3,75 производных. Размер гнезда не определяется частотой слова: у частотного *сторис* гнездо пустое. Словообразовательная активность вместе с графическими и грамматическими признаками позволяет построить трёхступенчатую шкалу освоенности заимствований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет ответить на вопрос, поставленный во введении: как заимствование и словообразование взаимодействуют при формировании лексики цифровой коммуникации. Ответ состоит в том, что заимствование поставляет материал, а словообразование превращает его в слова русского языка. Чем более центральное место занимает понятие в сетевом общении, тем быстрее заимствованная основа обрастает русскими производными.

Теоретический результат работы состоит в уточнении соотношения двух источников пополнения словаря. Заимствование и словообразование обычно противопоставляются как внешний и внутренний источники. Материал цифровой коммуникации показывает, что в живом процессе они неразделимы: значительная часть того, что воспринимается носителями как «англицизмы», на деле представляет собой русские слова, построенные из английского материала по русским моделям.

Первая задача состояла в уточнении понятий. Лексика цифровой коммуникации понята как функционально выделенное поле, включающее слова разного происхождения, связанные с общением через сетевые сервисы. Это поле шире, чем совокупность заимствований, и шире, чем интернет-жаргон: в него входят и нейтральные кальки (*подписчик*, *приложение*), и усечения, и аббревиатуры.

Вторая задача касалась источников. Показано, что классическая система словарей новых слов, созданная в ИЛИ РАН, переживает перестройку, о чём пишут и сами лексикографы, а ведущим ресурсом для изучения новой лексики становится Национальный корпус русского языка с корпусом «Социальные сети». Предложен порядок корпусного запроса и мера ipm для сопоставления вариантов; подчёркнута необходимость ручной проверки автоматической разметки новых слов.

Третья и четвёртая задачи решены на материале картотеки из 142 единиц. Тематически она делится на пять групп: форматы и единицы

контента, действия пользователя, участники и роли, оценка и эмоции, устройства и интерфейс. По способу номинации прямые заимствования составляют 42,3 %, гибридные производные — 33,8 %, кальки — 10,6 %, усечения — 9,2 %, аббревиатуры — 4,2 %. Способ номинации связан с тематикой: действия называются гибридными глаголами, устройства — усечениями и кальками, оценки — аббревиатурами и экспрессивными производными.

Описание адаптации показало, что её ход определяется формой слова. Односложные заимствования на согласный (*лайк*, *пост*, *стрим*) сразу получают мужской род и полную парадигму, слова на гласный (*селфи*, *эмодзи*) остаются несклоняемыми, а слова с английским показателем множественного числа (*сторис*, *рилс*) либо остаются несклоняемыми, либо получают русское окончание, как когда-то *рельсы* и *джинсы*. Семантическая адаптация идёт прежде всего путём сужения значения, за которым может следовать расширение на русской почве (*лайк* как «одобрение вообще», *кринж* в предикативной функции).

Пятая задача — описание словообразовательных моделей. Установлено, что в картотеке нет ни одного глагола, заимствованного в готовом виде: все 34 глагола от иноязычных основ образованы русскими суффиксами и приставками. Ведущая модель — суффикс -и-, перфективы образуются прежде всего приставкой за-, которая выступает почти чистым показателем результата. Старая модель на -ова-/-ирова- в новом слое не используется. Среди существительных и прилагательных продуктивны суффиксы -ер, -ш(а), -к(а), -ов(ый), экспрессивные суффиксы и сложение с неизменяемым первым компонентом.

Особого внимания заслуживает форма основы. Односложность, конечный согласный и отсутствие английского показателя множественного числа облегчают и грамматическое, и словообразовательное освоение. Поэтому *лайк*, *бан*, *стрим* освоены глубоко, а *селфи*, *эмодзи* и *сторис*, несмотря на высокую частотность, остаются на периферии системы. Этот

вывод может иметь прогностическую силу: по форме нового заимствования можно с известной вероятностью предсказать скорость его освоения.

Шестая задача — оценка словообразовательной активности. Средний размер гнезда для двенадцати рассмотренных основ составил 3,75 производных, при этом наибольшие гнёзда у *лайк* (7) и *стрим* (6), а у частотного *сторис* гнездо пустое. Это позволяет утверждать, что частотность не служит надёжным показателем освоенности, тогда как словообразовательная активность в сочетании с графическими и грамматическими признаками даёт содержательную оценку. На этой основе предложена трёхступенчатая шкала освоенности.

Из полученных результатов следуют практические рекомендации для неографии. В словарной статье нового заимствования полезно указывать не только значение и стилистическую помету, но и зафиксированные варианты написания и формы множественного числа, а также ближайшие производные. Такая статья показывает читателю степень освоенности слова и помогает редактору решить, допустимо ли оно в данном тексте. Для слов вроде *сторис* необходимо указывать колебания в роде и склонении, для глаголов вроде *донатить* — затруднения в формах первого лица.

Результаты работы ограничены объёмом и характером картотеки: она составлена для примера и не является репрезентативной выборкой, а частотные данные НКРЯ приведены как условные. Перспективы исследования связаны прежде всего с корпусной проверкой выводов: подсчётом частот вариантов и производных по корпусу «Социальные сети», построением динамики по годам, сопоставлением с данными ежегодников «Новое в русской лексике». Интересно было бы сравнить русский материал с другими славянскими языками, где те же английские основы осваиваются иными моделями, и проследить судьбу новых единиц 2025 года, таких как *нацмессенджер* и *вайб-кодер*, в ближайшие годы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авилова, Н. С. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени : (глаголы с заимствованной основой) / Н. С. Авилова. – Москва : Наука, 1967. – 246 с.

2. Акуленко, В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка / В. В. Акуленко. – Харьков : Изд-во Харьк. ун-та, 1972. – 215 с.

3. Аристова, В. М. Англо-русские языковые контакты : (англицизмы в русском языке) / В. М. Аристова. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1978. – 151 с.

4. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.

5. Башкирцева, О. А. К вопросу об адаптации англицизмов в русском языке (на примере слов селфмейд, хэндмейд, мастрид, мастхэв) / О. А. Башкирцева, Д. М. Дедковская // Русская речь. – 2019. – № 6. – С. 19–31. – DOI 10.31857/S013161170007622-3.

6. Брейтер, М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы : пособие для иностранных студентов-русистов / М. А. Брейтер. – Москва : Диалог-МГУ, 1997. – 156 с. – ISBN 5-89209-058-2.

7. Ваганова, Н. В. Современные заимствования из английского языка: семантико-словообразовательный аспект : (на материале англицизмов конца XX – начала XXI в. в современном русском языке) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ваганова Наталья Вячеславовна. – Нижний Новгород, 2005.

8. Вайнрайх, У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх ; пер. с англ. Ю. А. Жлуктенко. – Киев : Вища школа, 1979. – 263 с.

9. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 304 с. – ISBN 5-94010-092-9.

10. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1977. – 312 с.

11. Воробьева, С. В. Грамматическая ассимиляция новейших англицизмов в русском языке / С. В. Воробьева // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1, Филология. – 2009. – № 5. – С. 178–186.

12. Галичкина, Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций) : специальность 10.02.20 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Галичкина Елена Николаевна ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2001.

13. Горностаев, С. В. Грамматическая адаптация англоязычных заимствований сферы игровой индустрии в русском языке / С. В. Горностаев // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2017. – № 1. – С. 76–84. – DOI 10.18522/1995-0640-2017-1-76-84.

14. Граудина, Л. К. Грамматическая правильность русской речи : стилистический словарь вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – Москва : Наука, 2001. – 557 с.

15. Гуськова, А. С. О словообразовательной активности современных англицизмов в русскоязычном дискурсе / А. С. Гуськова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2017. – Т. 23, № 1.1. – С. 77–80.

16. Дьяков, А. И. Деривационная интеграция англицизмов в русском языке конца XX века в функциональном аспекте : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Дьяков Анатолий Иванович. – Новосибирск, 2001.

17. Егорова, Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т. В. Егорова. – Москва : Аделант, 2014. – 800 с.

18. Ефремов, В. А. Словари новых слов: проблемы и перспективы / В. А. Ефремов // Чуждоезиково обучение. – 2018. – Т. 45, № 4. – С. 406–413.

19. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Русский язык, 1996. – 637 с.

20. Зализняк, А. А. Русское именное словоизменение / А. А. Зализняк. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 752 с.

21. Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – Москва : Языки русской культуры, 1996. – С. 90–141.

22. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – Москва : Наука, 1992. – 221 с.

23. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – Москва : Просвещение, 1973. – 304 с.

24. Земская, Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь / Е. А. Земская. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.

25. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии : очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. – Москва : Гардарики, 2005. – 287 с.

26. Костомаров, В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности / В. Г. Костомаров. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2015. – 348 с.

27. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи : из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. – 320 с.

28. Котелова, Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов / Н. З. Котелова // Новые слова и словари новых слов. – Ленинград : Наука, 1978. – С. 5–26.

29. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. – Москва : Знак : Языки славянских культур, 2007. – 250 с.

30. Кронгауз, М. А. Самоучитель олбанского / М. А. Кронгауз. – Москва : АСТ : Corpus, 2013. – 416 с. – ISBN 978-5-17-077807-2.

31. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – Москва : Языки русской культуры, 1996. – С. 142–161.

32. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – Москва : Наука, 1968. – 208 с.

33. Крысин, Л. П. Русское слово, своё и чужое : исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.

34. Крысин, Л. П. Слово в современных текстах и словарях : очерки о русской лексике и лексикографии / Л. П. Крысин. – Москва : Знак, 2008. – 320 с.

35. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – Москва : Эксмо, 2009. – 944 с.

36. Крысин, Л. П. Этапы освоения иноязычного слова / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. – 1991. – № 2. – С. 74–78.

37. Лабубомания и нацмессенджер: в русском языке появилось более 90 новых слов // Sostav.ru : [сайт]. – URL: https://www.sostav.ru/publication/labubomaniya-i-natsmessendzher-v-russkom-yazyke-poyavilos-bolee-90-novykh-slov-80332.html (дата обращения: 20.10.2026).

38. Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

39. Лопатин, В. В. Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. – Москва : Наука, 1973.

40. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов / Д. С. Лотте. – Москва : Наука, 1982. – 152 с.

41. Лошкарева, В. А. Исследование процесса освоения заимствований системой русского языка через призму переводческой деятельности (на экспериментальном материале) / В. А. Лошкарева // Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты : материалы XVII

Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных (Тверь, 24 апреля 2025 г.). – Тверь : Тверской государственный университет, 2025.

42. Лутовинова, О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : специальность 10.02.19 : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / О. В. Лутовинова. – Волгоград, 2009.

43. Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования / Е. В. Маринова. – Москва : Элпис, 2008. – 495 с.

44. Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Маринова Елена Вячеславовна. – Москва, 2008. – 44 с.

45. Мокиенко, В. М. Новая жизнь неологической серии русского языка / В. М. Мокиенко // Slavia. – 2021. – Roč. 90, seš. 1. – С. 106–114.

46. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития / С. О. Савчук, Т. А. Архангельский, А. А. Бонч-Осмоловская [и др.] // Вопросы языкознания. – 2024. – № 2. – С. 7–34. – DOI 10.31857/0373-658X.2024.2.7-34.

47. Национальный корпус русского языка : [сайт]. – Москва, 2003– . – URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 20.10.2026).

48. Нечаева, И. В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований / И. В. Нечаева. – Москва : Азбуковник, 2011. – 168 с.

49. Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2017 / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований ; под редакцией А. Ю. Кожевникова, Ю. С. Ридецкой. – Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2019. – 138 с. – ISBN 978-5-6040926-7-5.

50. Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / под редакцией Н. З. Котеловой. – Москва : Русский язык, 1984. – 808 с.

51. Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 2 томах / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований ; главный редактор Е. А. Левашов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009–2014.

52. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» : Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028 (дата обращения: 20.10.2026).

53. Попова, Т. В. Русская неология и неография / Т. В. Попова. – Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 2005.

54. Прокутина, Е. В. Английские заимствования в нестандартной лексике современного русского языка: структурно-словообразовательный аспект : специальность 10.02.20 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Прокутина Елена Васильевна. – Тобольск, 2010. – 317 с.

55. Ремчукова, Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики / Е. Н. Ремчукова. – Москва : Изд-во РУДН, 2005. – 329 с.

56. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Москва : Просвещение, 1976. – 543 с.

57. Руденко, О. Ю. Феномен иноязычности в современном русском языке: на материале словарей и языка СМИ : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Руденко Ольга Юрьевна. – Ростов-на-Дону, 2012. – 181 с.

58. Русская грамматика : в 2 томах / Академия наук СССР, Институт русского языка ; главный редактор Н. Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1980. – Т. 1. – 783 с.

59. Русский язык : энциклопедия / главный редактор Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Большая Российская энциклопедия : Дрофа, 1997. – 703 с.

60. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / ответственный редактор Е. А. Земская. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 480 с. – ISBN 5-7859-0001-7.

61. Сенько, Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект / Е. В. Сенько. – Санкт-Петербург, 2007. – 355 с.

62. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований ; под редакцией Н. З. Котеловой. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995.

63. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под редакцией М. Н. Кожиной. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.

64. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 томах / А. Н. Тихонов. – Москва : Русский язык, 1985.

65. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под редакцией Г. Н. Скляревской. – Москва : Эксмо, 2006. – 1136 с.

66. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под редакцией Г. Н. Скляревской. – Москва : Астрель : АСТ, 2001. – 944 с.

67. Трофимова, Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России: функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты : монография / Г. Н. Трофимова. – Москва : РУДН, 2009. – ISBN 978-5-209-03170-3.

68. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. – Москва, 1996. – 222 с.

69. Ферм, Л. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет) / Л. Ферм. – Uppsala : Uppsala University, 1994. – 236 с. – ISBN 91-554-3340-5.

70. Шагалова, Е. Н. Словарь новейших иностранных слов / Е. Н. Шагалова. – Москва : АСТ-Пресс, 2019. – 576 с.

71. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка : учебное пособие / Н. М. Шанский ; предисловие Т. А. Бобровой. – 6-е изд. – Москва : ЛЕНАНД, 2014. – 305 с. – (Лингвистическое наследие XX века). – ISBN 978-5-9710-1585-7.

72. Шапошников, В. Н. Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении / В. Н. Шапошников. – 2-е изд. – Москва : КомКнига, 2006. – 288 с.

73. Crystal, D. Language and the Internet / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – DOI 10.1017/CBO9781139164771.

74. Gazda, J. Dynamika a internacionalizace slovní zásoby současné ruštiny / J. Gazda. – Brno : Masarykova univerzita, 2002. – 121 s. – ISBN 80-210-2780-0.

75. Haugen, E. The Analysis of Linguistic Borrowing / E. Haugen // Language. – 1950. – Vol. 26, No. 2. – P. 210–231. – DOI 10.2307/410058.

76. Loanwords in the World’s Languages: A Comparative Handbook / ed. by M. Haspelmath, U. Tadmor. – Berlin ; New York : De Gruyter Mouton, 2009. – DOI 10.1515/9783110218442.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. КАРТОТЕКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Картотека составлена для данного примера работы и иллюстрирует метод; она не является репрезентативной выборкой. Единицы распределены по тематическим группам и способам номинации; все подсчёты в главах 2 и 3 выполнены по этому списку. Английские этимоны приведены в тексте глав 2 и 3 при разборе примеров.

Таблица 12 – Картотека: распределение 142 единиц по тематическим группам и способам номинации

Группа	Способ номинации	Ед.	Единицы
Форматы и единицы контента	Прямые заимствования	26	блог, влог, пост, сторис, рилс, шортс, стрим, подкаст, лонгрид, мем, селфи, контент, тред, чат, паблик, эмодзи, стикер, хештег, тег, лайфхак, челлендж, фейк, спойлер, вебинар, репост, скриншот
	Гибридные производные	4	гифка, смайлик, видос, мемасик
	Кальки	4	ветка, канал, лента, стена
	Усечения, универбаты	3	скрин, коммент, личка
Действия пользователя	Гибридные производные	34	лайкать, лайкнуть, репостить, постить, шерить, фолловить, зафрендить, расфрендить, банить, забанить, спамить, флудить, троллить, хейтить, шеймить, зашеймить, донатить, стримить, гуглить, загуглить, скринить, тегнуть, чатиться, зумиться, кликнуть, скроллить, свайпнуть, юзать, лагать, мьютить, хайпануть, рофлить, кринжануть, промптить
	Кальки	3	поделиться, подписаться, отметить
Участники и роли	Прямые заимствования	14	блогер, влогер, стример, юзер, хейтер, фолловер, френд, бот, спамер, инфлюенсер, геймер, нуб, хакер, тиктокер
	Гибридные производные	2	блогерша, донатер
	Кальки	3	тролль, подписчик, друг
	Усечения, универбаты	2	админ, модер
Оценка и эмоции	Прямые заимствования	8	кринж, хайп, вайб, изи, краш, хейт, шейминг, бодишейминг

Группа	Способ номинации	Ед.	Единицы
	Гибридные производные	7	кринжовый, кринжатина, хайповый, вайбовый, топчик, фейковый, мемный
	Кальки	1	токсичный
	Усечения, универбаты	1	норм
	Аббревиатуры	6	рофл, лол, имхо, ОМГ, ЧСВ, спс
Устройства и интерфейс	Прямые заимствования	12	смартфон, гаджет, девайс, браузер, вайфай, роутер, баг, апдейт, пуш, логин, промпт, лаг
	Гибридные производные	1	аватарка
	Кальки	4	приложение, облако, мышь, нейросеть
	Усечения, универбаты	7	флешка, комп, клава, инет, прога, ава, нейронка

Примечание — условная иллюстративная выборка для примера работы; состав определён автором примера по словарям [35, 17, 70, 65] и наблюдениям над открытыми текстами социальных сетей.